

Библейско-богословская коллекция
Библиографическая серия

Платонов В., свящ.

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
О ВСЕЛЕНСКИХ
СОБОРАХ**

Вера и разум, 1912, № 13, с. 84-102; № 14, с.
223-254; № 15, с. 373-389; № 16, с. 511-519

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(Историко-критическій очеркъ).

Еп. Іоаннь. Исторія вселенскихъ соборовъ. Изд 1896 г.

Ф. Терновскій. Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ. 1883 г.

А. Лебедевъ. Исторія вселенскихъ соборовъ. Часть 1-ая изд. 1896 г.
Часть 2-ая изд. 1904 г.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Потому ли, что „церковно-историческая наука поздно включена въ составъ прочихъ богословскихъ наукъ, преподававшихся въ русскихъ духовныхъ школахъ“¹⁾, потому-ли, что „церковную исторію одно время смиряли и она сама смирялась“²⁾: или потому, что „время, должно быть, не пришло“³⁾: нѣтъ у насъ до сихъ поръ капитальнаго труда, по полнотѣ и строго-научной методѣ изложенія,—„исторіи вселенскихъ соборовъ“, въ „смыслѣ окончательно-формулированныхъ итоговъ предварительныхъ критическихъ изысканій въ области предмета“⁴⁾.

Впрочемъ, это не значитъ, что въ нашей церковно-исторической наукѣ и совсѣмъ нѣтъ научныхъ трудовъ объ эпохѣ вселенскихъ соборовъ. Нѣтъ, они не только существуютъ но и своимъ содержаніемъ могутъ отвѣтить на вопросы, такъ или иначе касающіеся этой „чрезвычайно живой и разнообразной эпохи“⁵⁾.

1) Бог. Вѣстн. 1895 г. Дек., стр. 289.

2) Тамъ-же, стр. 304.

3) Тамъ-же, стр. 317.

4) Церк. Вѣстн. 1879. № 30, стр. 10 неоф. ч.

5) Прот. Ив—цовъ. Рел. движ., стр. 42.

А если такъ, то естественно тѣмъ самымъ намѣчается и опредѣляется цѣль и методъ нашего историко-критическаго очерка. Именно, разъ извѣстныя намъ изслѣдованія даютъ такія или иныя понятія о главныхъ и составныхъ частяхъ вселенскихъ соборовъ, то нашей цѣлью долженъ служить отвѣтъ: достаточны ли такія понятія и могутъ ли быть приняты?

Затѣмъ. Разъ подлежащія нашему обозрѣнiю изслѣдованія съ различныхъ, конечно, точекъ зрѣнiя касаются и обрисовываютъ эпоху вселенскихъ соборовъ, то нашъ путь— есть путь взаимнаго дополненiя воззрѣнiй нашихъ авторовъ, или путь сопоставленiя, также суммированiя ихъ взглядовъ и оцѣнка таковыхъ съ точки зрѣнiя указанной нами цѣли. Что же касается до самыхъ взглядовъ, съ которыми желательно критически познакомиться и которые отвѣчаютъ по возможности на большинство запросовъ и составныхъ элементахъ эпохи, то они слѣдующiе: 1) взглядъ на причину собора; 2) на самый соборъ: а) составъ его и участiе въ церковныхъ дѣлахъ и соборъ свѣтской власти; б) на его дѣятельность; 3) взглядъ на авторитетъ и значенiе собора.

Должно, тѣмъ не менѣе, сказать, что обозрѣнiемъ взглядовъ извѣстныхъ авторовъ по частнымъ вопросамъ, задача нашего очерка не можетъ быть исчерпана. Важно имѣть и общее сужденiе о трудѣ cadaго изъ нихъ. Необходимо указать, какъ бы въ заключенiе, на то, что представляетъ изъ себя трудъ того или другого автора и какое онъ имѣетъ значенiе въ дѣлѣ созданiя научнаго труда „исторiи вселенскихъ соборовъ“.

Глава I. Первый вселенскiй соборъ.

А. Причина созыва собора.

Всѣ наши авторы единогласно, только въ различныхъ выраженiяхъ, признаютъ, что первый Никейскiй соборъ созванъ былъ *по причинѣ* все болѣе и болѣе разливающагося потока волненiй *арiанскихъ* (Е. I. с. 20), для восстановленiя мира церковнаго (Терн. с. 20, 22). Эти-то волненiя и „вылились въ вопросъ *догматическiй*: нужно ли признавать Сына Божiя Богомъ, равночестнымъ съ Богомъ Отцемъ, или лишь совершеннѣйшею изъ тварей, или же, хотя и признавать

Его Богомъ, но Богомъ не равнаго достоинства съ Богомъ Отцемъ“. (Леб. ч. I, с. 1). Но, если проф. Терновскій и Лебедевъ, принимая во вниманіе руководящія идеи своихъ произведеній, считаютъ указанную причину, какъ бы за единственную, то Еп. Іоаннъ признаетъ нужнымъ съ своей тоже точки зрѣнія, констатировать и др. менѣ важныя причины для собора: расколъ мелетіанскій и споры о времени празднованія Пасхи (с. 21).

Естественно, конечно, вопросъ о происхожденіи аріанства. И вотъ здѣсь взгляды нашихъ авторовъ значительно расходятся.

1. Еп. Іоаннъ пишетъ: „основательное знакомство съ предметомъ прямо приводитъ къ тому заключенію, что никакого ближайшаго внѣшняго источника, изъ коего могли бы генетически проистекать воззрѣнія аріанъ, указать нельзя. Главнымъ и единственнымъ источникомъ всѣхъ этихъ лжеученій нужно признать собственный оригинальный образъ мыслей Арія. Всякія теоріи, съ указаніемъ на цитаты, критики не выдерживаютъ“ (с. 3).

Впрочемъ, удержаться на занятой позиціи автору вполнѣ не удалось, потому что онъ не могъ все-таки не признать хотя какихъ бы то ни было предшественниковъ по части отрицанія равенства и единосущія Второго Лица Св. Троицы съ Богомъ Отцемъ. Онъ склоненъ признавать и вліяніе Александрійской школы на Арія, именно Оригена, хотя различнымъ вліяніямъ Арія не поддавался страдательно, но всѣ ихъ переработалъ. Мысли же о происхожденіи аріанства отъ св. мужа Лукіана Еп. Іоаннъ никакъ не допускаетъ (с. 4).

2. По воззрѣнію проф. Терновскаго, аріанство, съ отрицательной стороны, выродилось изъ стремленія при посредствѣ школьной діалектики понять религіозныя вѣрованія. Съ положительной же—ересь была продолженіемъ гностицизма, который предполагалъ между высочайшимъ Богомъ и ко нечнымъ міромъ цѣлый рядъ посредствующихъ эоновъ, постепенно оскудѣвающихъ въ силѣ и величинѣ по мѣрѣ отдаленія отъ высшаго Бога и приближенія къ конечному міру. Аріанство только сократило гностическую лѣстницу божествъ, замѣнивъ ее однимъ звѣномъ Сыномъ Божіимъ, созданнымъ отъ Отца во времени и въ свою очередь создавшимъ міръ (с. 19).

3. Проф. же Лебедевъ происхождение арианства приурочиваетъ къ вліянію Антіохійской школы, основателемъ которой былъ пресвитеръ Лукіанъ. „Было ли ученіе послѣдняго сколько-нибудь близкимъ къ арианству, рѣшить невозможно этотъ вопросъ, продолжаетъ авторъ, потому что о Лукіанѣ мы почти ничего не знаемъ. Замѣчательно, однакоже, по одному древнему свидѣтельству, и ересіархъ Аріій былъ также ученикомъ все того же Лукіана Антіохійскаго. Школа, значить, на всѣхъ учениковъ, или по крайней мѣрѣ на многихъ, вліяла одинаковымъ образомъ. (ч. I, с. 8—9).

Итакъ Еп. Іоаннъ происхождение арианства относитъ почти исключительно къ личности самого Арія. Но уже то обстоятельство, что этотъ, осужденный еп. Александромъ, пресвитеръ обращается въ письмѣ къ Евсевію Никомидійскому, какъ къ товарищу по школѣ, какъ къ „истинному солукіанисту“, и дѣлаетъ на этихъ словахъ удареніе, значеніе котораго, подразумѣвается, понятно только для выходцевъ изъ подъ одного руководства,—должно бы автору наглядно показать, что свое ученіе Аріій ставитъ подъ знамя Лукіана Антіохійскаго (Леб. с. 10), апеллируетъ къ его авторитету. Это что-нибудь да значить. Потомъ, въ такомъ генезисѣ арианства нисколько не сомнѣвается и еп. Александръ, противникъ Арія, что и доказываетъ въ письмѣ къ византійскому епископу (Леб. Изъ ист. вс. соб. с. 54).

О томъ же говоритъ и Филосторгій, котораго свидѣтельство, какъ арианскаго историка, еще цѣннѣе, потому что, кому же лучше знать откуда ариане ведутъ свое ученіе какъ не имъ же (тамъ-же с. 56)¹⁾.

Впрочемъ, не перечисляя всѣхъ подобныхъ доказательствъ, за происхождение арианства изъ антіохійской школы, мы должны однако признать ихъ полную достаточность для соотвѣтствующей цѣли. (См. о нихъ у Леб. из. ист. вс. соб. 54—58; Спас. 154—7; 170—1).

Такъ что „фактъ зависимости арианскаго движенія отъ Лукіана“, „внутреннее сродство между идеями, какихъ держится означенная партія, и ученіями, какія распространялись въ извѣстной школѣ“ (чего требовалъ прот. Иванцовъ въ Рел. Дв. с. 93)—этотъ фактъ „стоитъ весьма прочно и

¹⁾ Проф. А. Спасскій. Исторія догматическихъ движеній въ эпоху всел. соборовъ. С. 154—5.

опирается на авторитетныя и непререкаемыя свидѣтельства“ (Спас. с. 156). Подобное положеніе дѣла естественно бросаетъ свѣтъ и на ту роль, какая выпала на долю Арія. Его „очевидно нельзя назвать ни единственнымъ виновникомъ спора, поднятаго имъ, ни основателемъ того ученія, которое навсегда осталось тѣсно связаннымъ съ его именемъ. Онъ только представитель Лукіановскаго кружка. Все дѣло Арія въ томъ, что въ его лицѣ новое направленіе въ первый разъ столкнулось съ противоположнымъ александрійскимъ направленіемъ¹⁾ и вслѣдствіе этого начался споръ, который рано или поздно, но необходимо бы возгорѣлся и помимо Арія. Этимъ и объясняется, что онъ не былъ главою и руководителемъ. Когда обстоятельства Арія выдвинули, съ его личностью считались; послѣ же сами ближайшіе сотрудники отrekliсь отъ него (Спас. с. 156). Историческая новость системы Арія лишь въ томъ, что онъ приписалъ происхождение Сыну Божію изъ *несущаго* (тамъ же с. 176). Вотъ и вся самостоятельность Арія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что вопросъ о вліяніи на Арія со стороны александрійскаго богословія, особенно возрѣній Оригена, навсегда въ сущности своей останется вопросомъ. Самые ярые защитники подобной теоріи не могутъ не сознаться, какъ напр. проф. Иванцовъ, что „она имѣетъ только предположительный характеръ“. (Рел. Движ. с. 109). Мало того, даже циркулярно въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія предписано (указъ Св. Синода отъ 24 апр. 1883, № 16), мнѣніе „объ отношеніи Оригена къ аріанству „считать“ „нѣмецкой выдумкой“, имѣющей въ виду „ослабить силу церковнаго преданія“. (Приб къ твор. Св. Отц. 1873, ч. 31, с. 377). Если же, наконецъ, еп. Іоанна поставило будто въ тупикъ, обстоятельство, что Лукіанъ-канонизованный церковью мученикъ,—то это самое, въ существѣ дѣла, не является ручательствомъ за безошибочность возрѣній и выводовъ мученика въ его интеллектуальной области, при рѣшеніи того или другого догматическаго вопроса, еще не изслѣдованнаго вселенскою церковью.

¹⁾ См. тоже въ сборникѣ статей изъ ранняго христіанства статью А. Юлихера „Религія Іисуса и начало христіанства до Ник. собора“. Пер: съ нѣм. 1907 г. стр. 169.

Святость человѣка вѣдь не въ безгрѣшности его. Къ тому же мученическая смерть въ церкви ставится наравнѣ съ крещеніемъ, такъ что способна покрыть все прежде бывшіе грѣхи. Видимо въ дѣйствительности такъ и было. (Спас. с. 157—8).

2. Проф. Терновскій, какъ мы видѣли, ставитъ арианство въ генетическую связь съ гностицизмомъ. Критикуя этотъ взглядъ, проф. Лебедевъ не соглашается съ авторомъ и опроверженіе такого взгляда находитъ въ его собственныхъ словахъ. Именно, критикъ пишетъ: „Если гностики допускали множество божественныхъ существъ, посредствующихъ между Высочайшимъ Богомъ и конечнымъ міромъ (эоновъ), а ариане „замѣнили“ это множество однимъ существомъ, Сыномъ Божиимъ, менѣе совершеннымъ, чѣмъ Отецъ, допускали одно существо въ качествѣ посредника между Отцомъ и конечнымъ міромъ, то что общаго остается между гностицизмомъ и арианизмомъ? Почти ничего“. И далѣе указываетъ на генетическую связь арианства съ раввиническимъ ученіемъ іудеевъ о Мемрѣ, посредникѣ между Богомъ и міромъ, менѣе совершеннымъ, чѣмъ Богъ Отецъ (Приб. къ твор. 1883, ч. 31 с. 665).

Однако намъ думается, что не „почти ничего“ остается отъ воззрѣнія Терновскаго, а самое главное; остается самая идея ограниченнаго посредника между Богомъ и міромъ, какая существуетъ и въ арианствѣ. Къ тому же, мы знаемъ, что преосв. Лукіанъ антиохійскій получилъ собственное образованіе въ Эдесской школѣ, основанной гностикомъ Вардесаномъ (Спас. с. 158). Почему знать, можетъ быть здѣсь и вліяли на Лукіана унаслѣдованная школой гностическія воззрѣнія?

Впрочемъ, должно сказать, что если, пожалуй, и имѣетъ долю вѣроятности воззрѣніе проф. Терновскаго, то все-таки здѣсь мы встрѣчаемся съ указаніемъ на далекій, довольно темный генезисъ арианства, тогда какъ для насъ всегда болѣе важно бываетъ указаніе на „genus proximum“, на такой ближайшій фактъ, съ которымъ связь устанавливается съ возможно полной очевидностью.

И это тѣмъ болѣе такъ, что едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что вся доникейская богословско-философская мысль, не находя ничего общаго между Богомъ и мі-

ромъ, не допуская возможности непосредственнаго воздѣйствія Бога на міръ, склонялась къ признанію посредника между тѣмъ и другимъ, отличнаго отъ Бога и міра. Такъ что представленіе о Мемрѣ есть только, такъ сказать, частное выраженіе общаго міровоззрѣнія.

3. Что касается до взгляда проф. Лебедева на происхожденіе аріанства, то, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, съ нимъ остается лишь согласиться, да дополнить его утвержденія относительно Лукіана. Если онъ считалъ вѣскимъ возраженіемъ противъ указаннаго происхожденія аріанства то, что объ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ Лукіана исторія ничего не знаетъ; если легко устранялъ это возраженіе извѣстнымъ изрѣченіемъ: „по плодамъ ихъ познаете ихъ“, на подобіе того, какъ наука считаетъ Аммонія Сакка основателемъ неоплатонизма, потому что его ученикъ, Плотинъ, привелъ въ систему ученіе неоплатоническое“ (Изъ ист. вс. соб. с. 57) то: „въ настоящее время мы въ состояніи представить догматическія воззрѣнія Лукіана, по двумъ пунктамъ—ученію о Богѣ и о Лицѣ Иисуса Христа. По нимъ-то и легко видѣть (Спасс. с. 170—1), что въ обоихъ этихъ главныхъ пунктахъ, опредѣлившихъ догматику Арія, Лукіанъ предупредилъ аріанство, хотя и нѣтъ основаній утверждать, что онъ уже пришелъ ко всѣмъ тѣмъ крайнимъ выводамъ, какіе высказаны были Аріемъ“. Поэтому и укорить можно только за то, что о происхожденіи аріанства онъ „мимоходомъ“ упомянулъ, „съ тѣхъ лишь сторонъ, которыя должны были уяснить дѣятельность нѣкоторыхъ изъ соборовъ“ (Изъ ист. с. 53—4). Оговорка справедлива, но отчасти. Именно, она, думаемъ, могла имѣть значеніе только тогда, когда вопросъ о происхожденіи аріанства былъ бы давнымъ давно рѣшенъ въ опредѣленномъ смыслѣ; когда не было бы разныхъ точекъ зрѣнія на этотъ предметъ. Вотъ и достаточно было бы одного упоминанія. Но дѣло въ дѣйствительности обстояло иначе. Поэтому проф. Лебедеву стоило бросить соотвѣтствующій взглядъ на отношеніе аріанства къ Александріи, пропустить бы главныя свѣдѣнія и факты изъ этого отношенія „черезъ фильтръ своей критики“. Тогда не пришлось бы ему дѣлать вынужденной „уступки въ пользу александрійской школы“ своему аппоненту, прот. Иванцову. Т. е., „что аріанство вышло изъ антиохійской школы подъ нѣко-

торымъ воздѣйствиемъ александрійской школы, воздѣйствиемъ тонкимъ и неуловимымъ, но возможнымъ, потому что идеи по природѣ своей текучи (Изъ ист. с. 63—4)“. Вопросъ бы могъ разрѣшиться ранѣе. И это тѣмъ болѣе необходимо, что „самое восстановление первоначальной исторіи арианства въ ея фактической сторонѣ всегда останется гипотетичнымъ и должно основываться не столько на официальныхъ документахъ, сколько на сравнительной вѣроятности собственныхъ предположеній изслѣдователя ихъ“ (Спасс. с. 141). Значить, критическій просмотръ фактовъ вель бы ни къ чему иному, какъ къ выясненію основной идеи автора.

Итакъ, главною причиною перваго вселенскаго собора было появленіе и развитіе *аріанства*. Оно вышло изъ антиохійской школы. Аріанскія воззрѣнія тамъ въ общихъ чертахъ уже господствовали. Нуженъ былъ только подходящій человѣкъ, какимъ и явился Аріій. Но своего въ собственное ученіе онъ внесъ мало. О воздѣйствіи александрійскаго богословія можно лишь предполагать.

Б. Самый соборъ: а) составъ собора и участіе свѣтской власти.

Каждый соборъ можно разсматривать собственно съ 2-хъ сторонъ: а) различать въ немъ *дѣятелей* собора; б) сосредоточивать вниманіе на самой дѣятельности. Думаемъ, что въ составъ дѣятелей собора вполне естественно включить и свѣтскую власть, такъ какъ она тоже принимала участіе въ церковныхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ членами собора. Поэтому, съ такой точки зрѣнія мы и подвергнемъ разсмотрѣнію данныя нашихъ авторовъ. Въ отношеніи *состава собора* они вообще раздѣляютъ его членовъ на „2 стороны“, „на 2 партіи“: еретиковъ и православныхъ (Іоан. с. 24—25 Терн. с. 21—22. Леб. с. 10). Если еп. Іоаннъ вмѣстѣ съ проф. Терновскимъ только тѣмъ и ограничиваются, то проф. Лебедевъ идетъ дальше. Въ самой аріанской группѣ для большей отчетливости онъ указываетъ два теченія; 7) собственно строгое аріанское (с. 8) и то, которое позднѣе стало извѣстно подъ именемъ полуаріанства (с. 9). Мало того, онъ, по словамъ рецензента своей диссертации, „еще далъ болѣе тща-

тельную и вразумительную характеристику партіи соборныхъ ¹⁾).

Къ православной партіи принадлежали герои вѣры и исповѣдники. Сюда относились нѣкоторые серьезно образованные лица, отличавшіяся въ діалектикѣ и учености (с. 3—4). Вѣровали они въ то, чему и какъ учила Церковь; подчиняли разумъ вѣрѣ. На таинство Св. Троицы, на вопросъ о сущности Сына Божія, объ отношеніи Его Божественности къ Богу Отцу смотрѣли какъ дѣйствительно на тайну. Партія эта была ревностною въ охраненіи вѣры на соборѣ противъ притязаній разума. Ея воззрѣнія отвѣчали общему христіанскому сознанію. Это—консерваторы (с. 6).

Наоборотъ, первая партія аріанская хотѣла вѣру подчинить знанію. Она стояла за религіозное знаніе, и не высоко цѣнила простую вѣру. Преданіе должно повѣрять; должно изслѣдовать и испытывать вѣру... Эта партія—либерально-раціоналистическая. Здѣсь много было образованныхъ богослововъ, много писателей церковныхъ, но выходили и еретики (с. 7).

Другая группа аріанствующихъ держалась, вообще говоря, золотой середины между партіею поборниковъ церковной вѣры и группою богослововъ, пропитанныхъ аріанскимъ раціонализмомъ; къ ней могли принадлежать люди, для которыхъ и вѣра была священна, и научно-богословскіе интересы также дороги (с. 8). Воззрѣнія ихъ были неопредѣленны, почему объ стороны считали ихъ своими сторонниками (с. 9).

Все сказанное, конечно, вѣрно. Такъ что даже „строгая“ критика прот. Иванцова съ сущности говоря оказалась „неосновательной“ (изъ ист. с. 86) и видимо не въ состояніи была поколебать достовѣрности тѣхъ историческихъ свидѣтельствъ объ аріанахъ и православныхъ, на которыхъ стоитъ проф. Лебедевъ (изъ ист. 76). Но и послѣ такого научнаго разъясненія у о. Иванцова остается впечатлѣніе,

¹⁾ Отзывъ о диссертациі экстрординарнаго профессора А. П. Лебедева, доцента Н. Лебедева. Изъ дѣлъ Совѣта М. Д. Академіи за 1879 годъ № 10, хотя отзывъ этотъ и напечатанъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1895 годъ книга 4 я, стр. 265—6, но мы пользуемся подлинникомъ, такъ какъ напечатана въ сущности небольшая его часть.

будто нашъ авторъ все-таки возвышаетъ арианъ надъ православными, этими простецами и невѣждами (Прав. Обзор. 1882 г., ч. 3, стр. 619). Отчего это? Намъ думается, что такое впечатлѣніе получается оттого, что проф. Лебедевъ, при характеристикѣ православной стороны, не пошелъ тѣмъ путемъ, какимъ и при характеристикѣ арианской. Вѣдь ученые православные не могли не отличаться, такъ или иначе и довольно значительно, отъ простыхъ и неученыхъ своихъ братьевъ. Отсюда, если бы ихъ выдѣлить и составить изъ нихъ *особую группу* православныхъ, съ присущими имъ одними характеристическими чертами, то недоумѣнія и заключенія о предпочтеніи авторомъ арианъ, едва ли бы могли имѣть мѣсто. Скажемъ больше. Конечно либералы не прогрессисты (Леб. с. 11), какъ хотѣлъ бы навязать нашему автору прот. Иванцовъ. Но вѣдь собственно и консерваторы не прогрессисты. Между тѣмъ, палья первенства въ дѣлѣ составленія Никейскаго вѣроопредѣленія прогрессивнаго характера принадлежала этой консервативной партіи. Какъ это возможно? Безусловно такъ, что въ самой средѣ строгихъ консерваторовъ были вліятельные прогрессисты, которые увлекли за собой большинство своей партіи. Пожалуй, намекъ есть на это и у нашего автора, когда онъ говоритъ объ образованныхъ православныхъ. Но этотъ намекъ быть бы вполне ясенъ, не вызывая бы противъ себя возраженій и не давая бы оппонентамъ права упрекать, если бы, повторимъ, эти ученые—прогрессисты выдѣлены были въ особое теченіе. Въ виду этого резюмируемъ вышеизложенное о составѣ собора заимствованіемъ изъ одного новѣйшаго изслѣдованія. На соборѣ получилось 4 различныхъ догматическихъ теченія или группы: 1-е строго арианское, подъ главенствомъ Евсевія Никомидійскаго, съ желаніемъ обезпечить свободу изслѣдованія. 2-е образованные защитники православія съ предложеніемъ новшества „*ὁμοουσις*“, чтобы создать точное вѣроизложеніе. Это, такъ сказать, тяжущія стороны, а не судьи, опредѣляющіе исходъ дѣла. Послѣдняя роль принадлежала остальнымъ двумъ консервативнымъ группамъ: 3-й группѣ, героевъ вѣры и простыхъ епископовъ съ чутьемъ истины и 4-й группѣ, стоявшей подъ главенствомъ Евсевія Кесарійскаго; у этой было также много

примирительныхъ элементовъ, на какихъ могли бы сойтись всѣ Никейскіе Отцы (Спасс. с. 214—219).

Что касается до участія свѣтской власти, оно выразилось въ примирительной дѣятельности императора, какъ до собора, (въ отношеніи къ еп. Александру и Арію), такъ и на самомъ соборѣ ¹⁾. Имп. Константинъ опирается на соборное большинство и „всѣми мѣрами склоняетъ аріанствующихъ къ уступкамъ“ (Терн. с. 29). Если проф. Лебедевъ подробно объ этой роли имп. на соборѣ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не говоритъ, то изъ того немногаго, что у него находимъ (с. 23—5), можно вывести такое же заключеніе о характерѣ примирительной дѣятельности императора. Но какія основанія принципіальнаго характера были у Константина для такой цѣли?

Еп. Іоаннъ идеализируетъ личный характеръ императора (видитъ причину въ „сердцѣ“, „благочестивомъ желаніи императора“ с. 15, 17) и только въ скобкахъ указываетъ на то, что спокойствіе церкви составляло и спокойствіе государства. Проф. Терновскій тоже въ общемъ ограничивается однимъ подобнымъ утвержденіемъ.

Но такое объясненіе въ сущности есть довольно общая фраза, какой удовольствоваться трудно. Поэтому, чтобы имѣть болѣе или менѣе достаточный положительный отвѣтъ, обратимся къ тому, кто подробнѣе касается вопроса о принципіальномъ отношеніи свѣтской власти къ дѣламъ церкви. Такъ проф. Кургановъ въ объясненіе поведенія имп. Константина выходитъ изъ того, что послѣдній взглянулъ на себя, какъ на служителя Божія, получившаго власть отъ Творца для того, чтобы „воспитываемый подъ его руководствомъ родъ человѣческой призвать на служеніе священнѣйшему закону и, подъ руководствомъ Высочайшаго Существа, возрастить блаженнѣйшую вѣру (с. 20)“. Онъ ревнуетъ о славѣ Церкви Христовой и о введеніи христіанскихъ началъ въ своемъ государствѣ (23); преобразуетъ, насколько возможно, законодательство въ духъ христіанскихъ на-

1) Е. Іоаннъ. С. 17, 27, 37; Терн. 29 Проф. Кургановъ. Отношенія между церковною и гражданскою властію въ Византійской имперіи. Казань, 1880, стр. 36—7.

чалъ¹⁾. Конечно, такому взгляду нельзя отказать въ правильности. Но въ общемъ онъ нѣсколько односторонень. Имъ игнорируется все таки то, что Константинъ былъ прежде всего государь; что первую и главную его цѣлью было благо государства. Поэтому, естественнѣе дѣло представлять такъ. „Будучи намѣренъ перестроить все государство заново, на лучшихъ и болѣе твердыхъ началахъ, Константинъ первое мѣсто отводилъ христіанской церкви. Подобно большинству выдающихся умовъ древности, Константинъ былъ убѣжденъ, что политическое единство не отдѣлимо отъ единства религіознаго и достиженіе такого религіознаго объединенія своихъ подданныхъ ставилъ для себя жизненной задачей... Благосостояніе церкви, ея единство, какъ и прочіе церковныя вопросы получали въ глазахъ Константина важность государственную и составляли собой предметъ самыхъ тщательныхъ заботъ его. Вотъ почему самая распря епископ. Александра и Арія обратила на себя вниманіе Константина потому, что она рождала беспорядки въ Египтѣ, житницѣ имперіи, и грозила послѣдней политической опасностію (Спасс. с. 202—204). Такъ что, если личный характеръ Константина и игралъ роль въ его всегдашней примирительной дѣятельности, то главенствовала, конечно, общегосударственная нужда, чѣмъ и объясняется перемѣна въ поведеніи императора послѣ собора въ отношеніи къ православнымъ²⁾.

б) Дѣятельность соборная.

Нужно сказать, что проф. Терновскій о дѣятельности собора ничего не говоритъ. Онъ ограничивается только глухимъ указаніемъ на центральный терминъ составленнаго вѣроопредѣленія—„*ὁμοούσιος*“. Остальные два автора о первыхъ шагахъ собора, если исключить начальныя рѣчи: къ императору и отвѣтную, приводимыя еп. Іоанномъ, повѣствуютъ

1) Тоже почти утверждаетъ о Константинѣ и неизвѣстный авторъ статьи: „Объ образѣ дѣйствованія государей въ 4, 5 и 6 в.в.“, помѣщенной въ приб. къ Творенію св. Отцевъ за 1859 г., т. 18, с. 53.

2) А. Гарнакъ въ своихъ утверженіяхъ идетъ еще дальше. Онъ въ дѣйствіяхъ Константина видитъ то, что послѣдній принималъ участіе въ „управленіи церковью“ и сыновьямъ своимъ завѣщаль „управлять церковью“. См. тотъ же вышеуказанный сборникъ.

въ общемъ согласно. Форма засѣданій была двоякая: частныя собранія и оффиціальныя въ присутствіи императора. Первыя служили подготовкою къ послѣднимъ. Хотя у проф. Лебедева о такомъ раздѣленіи нарочито не заявлено, но ясно видно изъ его разсказа.

Главнымъ предметомъ, приковывающимъ умы всѣхъ было ученіе о Сынѣ Божіемъ. И у того, и у другого автора первую выступаетъ партія Евсевія Никомидійскаго, встрѣчая себѣ общее сужденіе. Послѣ этого, по Іоанну, духовные не могли уже долго разсуждать о богословской сторонѣ предмета, которая имъ была извѣстна обстоятельно (с. 29), а обратились къ совопросителямъ свѣтскаго рода. Почему авторъ и приводитъ заимствованныя у Руфина и Геласія повѣствованія о спорахъ епископовъ съ философами. Впечатлѣніе получается странное. Будто эти споры имѣютъ важное значеніе для развитія дѣятельности соборной; будто для читателей, или слушателей они интереснѣе, чѣмъ прямое повѣствованіе о томъ, какъ выработывался Никейскій символъ. Мало того, самые-то почеринутые разсказы въ дѣйствительности, или мало достовѣрны (у Руфина), такъ какъ богато разукрашены человѣческой фантазіей послѣдующаго поколѣнія; или совсѣмъ недостовѣрны (у Геласія), какъ, напр., разъясненіе о Св. Духѣ (К. Смирновъ. Обзор. источн. 1 вс. соб. с. 190—4, 318, 333). Такимъ образомъ, въ порядкѣ повѣствованія должно бы придти къ изображенію самой важной части соборной дѣятельности: утвержденію истиннаго ученія, составленія символа. Такъ какъ главными источниками для изображенія этой части соборной дѣятельности служатъ сочиненія Аѳанасія Александрійскаго и Евсевія Кесарійскаго, то мы вправѣ бы ожидать какого-нибудь отношенія къ нимъ еп. Іоанна. Но онъ своего взгляда не высказываетъ. И если даже пользуется Аѳанасіевымъ свидѣтельствомъ, то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя раньше (с. 23) и заявилъ, что у этого отца находятся существенныя свѣдѣнія о соборѣ Никейскомъ. Отсюда, понятно, Евсевіеву свидѣтельству онъ не удѣляетъ никакого вниманія, не говоря о томъ, что хотѣлъ бы разногласящія данныя указанныхъ писателей какъ-либо помирить. Вотъ почему у него послѣ простого упоминанія о „многихъ разсужденіяхъ и догматическихъ изысканіяхъ на соборѣ“, указывается только фактъ

составленія вѣроопредѣленія, при чемъ приводится послѣднее и дѣлается замѣчаніе о рѣшеніи другихъ вопросовъ церковнаго характера. Значить даже какой-либо попытки, съ цѣлью научно представить себѣ эту важную часть собора, понять, откуда и какъ составился Никейскій символъ,— у автора не находимъ. Иначе отнесся проф. Лебедевъ. „Онъ первый, по словамъ своего рецензента, критически и даже скептически отнесся къ сказанію Аѳанасія о I вселенскомъ соборѣ; во многомъ съ новой точки зрѣнія взглянулъ на происхожденіе Никейскаго символа (опредѣлилъ роль Константина Великаго). (Отз. с. 9). Такъ что, не довѣряя ни тому, ни другому источнику, онъ беретъ свѣдѣнія изъ обоихъ, поскольку вынужденъ признать тѣ истинными и точными. Не смотря на то, что примирить оба свидѣтельства нельзя, такъ какъ всегда остается мѣсто сомнѣнію, такъ ли это?—(Изъ ист. с. 88) однако онъ находитъ болѣе естественнымъ поставить ихъ рядомъ: сначала Аѳанасіево, а потомъ Евсевіево и такими путемъ идти въ изображеніи соборной дѣятельности. Научепъ ли такой приѣмъ совмѣщенія? Правда, прот. Иванцовъ пробовалъ было показать въ своей книгѣ (Рел. движ.), что нѣтъ надобности ставить свидѣтельства Аѳанасія и Евсевія въ противорѣчіе между собою, а можно пользоваться существенными данными, какъ изъ этихъ, такъ и другихъ современныхъ собору писателей (с. 115). Именно, свидѣтельство Аѳанасія вставить въ свидѣтельство Евсевія и получится болѣе вѣрная картина. Не станемъ повторять, какъ „строга критикуемый“ профессоръ наглядно доказалъ, что „теорія примиренія“ извѣстныхъ „авторовъ, предложенная критикомъ, есть актъ насилія надъ документами“ (Изъ ист. с. 90). Скажемъ лишь, что способъ примиренія проф. Лебедева послѣдующими изслѣдователями не только не отвергается, но подтверждается и даже еще болѣе раскрывается. Такимъ путемъ пошелъ Смирновъ при изученіи сказаній о Никейскомъ соборѣ Аѳанасія и Евсевія (Обозр. с. 145—50). Такую точку зрѣнія призналъ за научную и проф. А. Спасскій въ своей „исторіи догматическихъ движеній“ (с. 221—225). Словомъ, пожалуй, вполнѣ справедливо, что, по осужденіи символа Евсевія Никомидійскаго, выступаетъ православная партія съ своими предложеніями въ такихъ или иныхъ словахъ изъ священнаго писанія выразить отно-

шеніе Сына Божія къ Богу Отцу, но не оказалась въ состояніи это сдѣлать. На помощь вздумалъ придти Евсевій Кесарійскій съ своимъ символомъ, но вставка термина „*ὁμοούσιος*“ обратила въ прахъ всѣ его начинанія. Подъ руками отцовъ Евсевіевъ символъ потерялъ свой первоначальный характеръ. Въмѣсто двухсмысленнаго вѣроизложенія, „возвышеннѣйшая истина о совершенномъ Божествѣ Сына Божія была провозглашена на всѣ вѣка“ (Лѣб. ч. I. с. 27).

Не трудно видѣть изъ разсказа нашего автора, что центральное мѣсто въ Никейскомъ вѣроизложеніи занимаетъ терминъ „*ὁμοούσιος*“. Но откуда вытекаетъ такое его значеніе? Какой смыслъ выдвигаетъ его на первое мѣсто? На подобные вопросы у автора находимъ, что „никакое слово не могло выражать потребную мысль о равенствѣ Божества Сына Божія съ Отцемъ съ такою силою, какъ „*ὁμοούσιος*“. Это, конечно, правда. Однако едва ли въ одномъ равенствѣ,—какое иногда обусловливаетъ и тождественность предметов,—здѣсь все значеніе; но и въ томъ, что словомъ „*ὁμοούσιος*“ указывается, при равенствѣ и единосущіи Сына Божія, и Его различіе отъ Отца. Затѣмъ. Авторъ указываетъ, какъ на мотивъ, заставившій отцевъ собора высказаться за „*ὁμοούσιος*“, что употребленіе его освящено церковнымъ преданіемъ (с. 23). Но вѣдь извѣстно же, что соборъ противъ Павла Самосатскаго осудилъ понятіе единосущный „*ὁμοούσιος*“ (с. 59). А это уже отнимаетъ нѣкоторую долю точности отъ утвержденія, будто употребленіе „*ὁμοούσιος*“ освящено церковнымъ преданіемъ. Мало того, знаемъ мы, что и Аѳанасій,—этотъ столпъ Никейскаго символа,—до 339 года не употреблялъ слова „*ὁμοούσιος*“, или сопровождалъ его разными оговорками. (Спасс. 247). Думается, что едва ли бы онъ вынуждался на подобный компромиссъ, если бы,—и послѣ открытаго признанія на соборѣ *ὁμοούσιος*, вполнѣ отвѣчающимъ церковному ученію,—не было бы разногласій во взглядѣ на освященность этого термина путемъ преданія... Все сводится къ тому, что по нашему мнѣнію, у автора долженъ бы быть экскурсъ по части установленія значенія и смысла центральныхъ терминовъ Никейскаго символа. Тогда бы яснѣе раскрылись мотивы и душевное настроеніе дѣятелей послѣ соборной борьбы изъ-за символа. Положимъ, подробности этой борьбы у автора изложены. Но все таки они

вращаются вокругъ послѣ никейскаго пониманія. Тогда какъ достаточное проникновеніе въ суть взгляда на то же самихъ отцовъ собора, помогло бы увидѣть, что отчасти въ самомъ этомъ пониманіи огцами извѣстныхъ терминовъ лежала причина антินิกейской реакціи.

3. Взглядъ на авторитетъ и значеніе собора.

„Вѣроисповѣданіе Никейское, пишетъ проф. Лебедевъ, было принято церковію неодинаково. Церковь въ 4 вѣкѣ раздѣлилась на 2 половины. Одна изъ нихъ съ ревностью стояла за символъ Никейскій, другая съ такою же ревностью возставала противъ него“ (с. 33). И если еп. Іоаннъ причину такого положенія дѣлъ видитъ въ козняхъ аріанскихъ (с. 37), въ коварной крамольнической хитрости, обошедшей Константина (с. 39)¹⁾; а проф. Терновскій констатируетъ лишь фактъ возникновенія вновь аріанскихъ смуть и указываетъ отчасти на отношеніе къ тѣмъ имп. Константина: то болѣе подробный взглядъ на причины и суть антินิกейской дѣятельности находимъ у проф. Лебедева. Соответственно своей основной задачѣ, онъ устанавливаетъ главную причину возникшей борьбы въ интеллектуальномъ настроеніи дѣйствующихъ сторонъ, по сколько это настроеніе продолжала порождать разность направленій господствовавшихъ школъ: александрійской и антioxійской. На сторону противниковъ символа становятся *аріанствующіе*, приверженцы рационализма или либеральнаго богословія (с. 52). Къ нимъ принадлежали и нестрогіе аріане, полуаріане, болѣе близкіе, по своимъ воззрѣніямъ, къ церкви православной и которые свой интеллектуализмъ проявляютъ въ той легкости, съ какой они создавали новые символы въ противность Никейскому символу, и въ томъ разнообразіи, какъ они въ этихъ символахъ опредѣляли важнѣйшіе догматы вѣры (с. 50). Въ подобныхъ то символахъ (съ цѣлью выразумѣть вѣру), составляють которые аріанствующіе не стѣснялись, они и стараются поста-

¹⁾ Съ этимъ взглядомъ, повидимому, согласенъ и проф. Кургановъ. Впрочемъ, онъ устанавливаетъ и нѣкоторое объективное оправданіе для К—на въ томъ, что при неполномъ опредѣленіи догматовъ и всякихъ пунктовъ, гдѣ происходитъ соприкосновеніе церкви и государства, представитель послѣдняго можетъ ошибаться въ выборѣ истиннаго ученія (с. 42).

вить въ забвеніе символъ Никейскій, возрѣній котораго они не раздѣляли (с. 57). Отсюда возстаютъ они особенно противъ ученія о „единосущіи“, выраженія „изъ сущности Отца“, критикуя ихъ всѣми способами и осуждая ихъ на разныхъ соборахъ. Всякіе термины подбирали они для выраженія отношеній Сына Божія къ Отцу, но только не единосущный.

Православные, эти представители умѣренно-прогрессивнаго направленія, высоко держали знамя Никейской вѣры. Поскольку вынуждались къ тому обстоятельствами, они всѣми силами пытались защитить Никейскій символъ, поставить его выше всякихъ упрековъ, отстаютъ законность и справедливость каждаго его слова. Вотъ почему и находили, что „исповѣданнаго въ Никеѣ довольно и достаточно: и къ опроверженію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія (с. 61—2).

Вотъ почему ревность православныхъ возбуждала удивленіе у антиникейцевъ и привела въ концѣ концовъ къ побѣдѣ самой Никейской догмы надъ возрѣніями противниковъ (с. 67). Словомъ, результатомъ тяжелой послѣдникейской борьбы, съ теченіемъ всеисцѣляющаго времени, было успокоеніе, взаимная снисходительность, взаимное сильное желаніе, оставивъ бесплодную попытку составленія новыхъ символовъ, возвратиться подъ знамя Никейской вѣры. Положимъ, нашъ авторъ правъ. Но его освѣщеніемъ вопроса едва ли можно вполнѣ удовлетвориться, такъ какъ оно не чуждо нѣкоторыхъ недостатковъ. Именно, новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что общее на Востокѣ въ то время нерасположеніе къ арианству не подлежитъ сомнѣнію. Вотъ почему друзья Арія и самъ Арій должны были очиститься отъ подозрѣній въ этой ереси и представить соответствующія официальныя исповѣданія. Значить, не ариане были только главными виновниками антиникейской борьбы (Спасс. 242). Таковыми являлись, особенно, консервативно-настроенные епископы Востока. Это потому, что вѣроизложеніе Никейское значительно опередило богословскую науку того времени: было, такъ сказ. радикально (с. 243, Иванц. Прав. об. 1882 г. с. 622), не гармонировало съ ихъ настроеніемъ, являлось, будто, нововведеніемъ, ведущимъ къ ереси. Ихъ, потому, цѣлью стало—охранить вѣру отъ нововведенія, уже сгигравшаго свою роль (по ихъ мнѣнію отрицательную) въ

уничтоженіи аrianства. Борьба возникла изъ чистаго источника. На сторонѣ антиникейцевъ были лица подлиннаго православія.

А если такъ, то нельзя всѣхъ противниковъ Никейскаго символа называть безъ разбора *arianствующими*, потому что это было бы непростительной исторической ошибкой и великой обидой для памяти восточныхъ отцовъ (с. 249). Впрочемъ у автора на подобное положеніе дѣла мы можемъ встрѣтить лишь намеки, которыхъ для насъ недостаточно ¹⁾. Скажемъ еще больше. У нашего автора приведено изображеніе состоянія церкви въ эпоху аrianскую, словами Василія Великаго. Но ужели печальное положеніе всей церкви могло быть обусловлено существованіемъ однихъ лишь интеллектуальныхъ причинъ? Конечно, нѣтъ. Напротивъ, причины двойственности въ отношеніи къ Никейскому символу нужно видѣть, не въ случайныхъ вліяніяхъ отдѣльныхъ лицъ (у еп. Іоанна); такъ и не одними только интеллектуальными условіями объяснять совокупность настроеній всей церкви“: они лежатъ гораздо глубже и могутъ быть сведены къ тремъ родамъ ихъ: 1) церковнымъ, 2) культурно-историческимъ и 3) политическимъ (Спасс. с. 243).

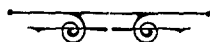
Но если къ символу Никейскому относились двойственно, то какъ къ самому собору? Уважался ли онъ, имѣлъ ли значеніе? На первую половину вопроса отвѣта у авторовъ нашихъ не находимъ, хотя естественность такого недоумѣнія и понятна. Объ этомъ уже говоритъ проф. А. Спасскій въ своей книгѣ. Онъ пишетъ: „будучи (реакціонеры) искренно убѣждены, что опредѣленія Никейскаго собора не соотвѣтствуютъ церковнымъ традиціямъ и ведутъ къ ложнымъ мыслямъ, они... не порицали собора; съ уваженіемъ относились къ нѣкоторымъ изъ его постановленій (248—9). Что же касается до второй половины, то наши авторы въ общемъ констатируютъ фактъ догматическаго развитія вѣроученія на соборѣ: то, что здѣсь формулировано въ соотвѣтствующихъ словахъ отношеніе Сына Божія къ Богу Отцу. Между тѣмъ, по словамъ проф. Терновскаго и Лебедева

¹⁾ Напр., на с. 57, при характеристикѣ полуarianства, какъ близкаго къ православію; 100 стр.—гдѣ указываетъ что названныя имъ двѣ партіи нельзя строго разграничивать, такъ какъ почти вся церковь представляла подвижной, текучій элементъ и т. д.

(только въ другомъ произведеніи послѣдняго: „Духовенство древн. всел. церкви“... изд. 1905 г.), можно заключать о другомъ значеніи собора: о томъ, какъ идеи, которыми руководился соборъ, относились къ господствующимъ идеямъ современнаго ему общества. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь соборъ, дѣйствительно, есть—фокусъ своего рода, который, въ лицѣ своихъ членовъ, концентрируетъ свѣтовые лучи, идущіе съ разныхъ сторонъ изъ современной дѣйствительности и сводитъ ихъ къ извѣстному опредѣленному знаменателю. Вотъ у проф. Терновскаго и находимъ констатированіе развитія одной идеи, по адресу которой пришлось высказаться собору. Это—идея монашества. Трудность достигнуть спасенія, при установившихся обычныхъ условіяхъ жизни; куда также вели и историческіе прецеденты—все это, при желаніи достигнуть спасенія, выдвинули на первый планъ, превратили въ идеаль жизнь пустытника, монаха (с. 66, 97). А, при такомъ влияніи на народъ, (какъ бы продолжаетъ проф. Лебедевъ) монашество наводило на мысль: не необходимо ли въ цѣляхъ неразвлеченнаго служенія пастырей своему долгу—вести безбрачіе, какъ условіе для вступленія въ духовное сословіе. Вопросъ этотъ началъ занимать собою умы въ восточной церкви. Обсуждался и на соборахъ Неокесарійскомъ и Анкирскомъ въ 314 г. и былъ предметомъ разсужденій на I вселенскомъ соборѣ. (Духов. с. 134). Какъ въ жизни, такъ и здѣсь нашлись защитники безбрачія. Но мудрость соборная, подъ влияніемъ еп. Пафнутія, не постановила никакого опредѣленія. Такимъ образомъ, Никейскій соборъ уравнивалъ права и брачныхъ и небрачныхъ священнослужителей и тѣмъ самымъ показалъ, что истинные Божіе служители могутъ быть всякаго состоянія, а не только монашествующіе. Взглядъ собора имѣлъ поэтому цѣль—умѣрить ошибочный пылъ людскихъ представленій и привести къ вѣрному и точному сознанию, что спасеніе возможно и въ мірѣ, а не ограничивается лишь родомъ людей, принадлежащихъ къ одной извѣстной категоріи.

Свящ. В. Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(Историко-критическій очеркъ).

(Продолженіе) *).

Глава 2. Второй вселенскій соборъ.

1. Причина созыва собора.

Мы уже отмѣтили, что результатомъ тяжелой, послѣднейшей борьбы у враждующихъ появилось обоюдное желаніе мира, возстановленія авторитета Никейскаго символа. Отсюда и понятно въ общемъ согласное заявленіе нашихъ авторовъ, указанныхъ нами раньше, что 2 вселенскій соборъ вызванъ былъ необходимостью утвердить Никейское ученіе, куда присоединилась необходимостью упорядочить дѣла Константинопольской каѳедры. Впрочемъ, историкъ пр. Іоаннъ придаетъ преобладающее значеніе въ дѣлѣ созыва настоящаго собора ереси духоборцевъ, или Македонія, а потомъ и др. „созрѣвшимъ“ сектамъ. Однако, по вполнѣ справедливому замѣчанію проф. Лебедева, чрезмѣрное значеніе ереси Македонія придавать нѣтъ законныхъ основаній, такъ какъ рѣчи о Св. Духѣ съ духоборцами не было (Примѣч. на 123 с.) ¹⁾. Можно сказать лишь гораздо слабѣе; именно, что нужда въ пополненіи ученія о Св. Духѣ сознавалась (с. 137). Тѣмъ болѣе это такъ, что самъ о. Іоаннъ вынужденъ былъ, при изложеніи дѣятельности 2-го вселенскаго собора относительно македоніанъ, сказать, что на всѣ убѣжденія царя и епископовъ православныхъ придти къ единомыслию съ ними, еретики выра-

*) См ж. „Вѣра и Разумъ“, № 13 за 1912 годъ.

¹⁾ Проф. Спасскій указываетъ даже, что Македоній, на самомъ дѣлѣ лицо, не причастное къ ереси (Прим. на ст. 471).

ждали желаніе, скорѣе признать ученіе аріанское, чѣмъ принять вѣру въ единосущіе (с. 45). Значитъ, авторъ принужденъ былъ согласиться съ тѣмъ, что съ македоніанами рѣчи о Св. Духѣ не было ¹⁾. Итакъ, оправдывать созваніе собора желаніемъ высказаться вообще противъ ересей—вполнѣ законно; но нельзя выдѣлять одну какую-либо ересь и ставить ее въ принципиальное отношеніе къ собору.

Слѣдовательно, никейская вѣра, побѣдившая аріанскую ересь и нужды Константинопольской каѳедры—вотъ причины и предметы разсужденій 2-го вселенскаго собора.

2. Самый соборъ.

а) Составъ собора и участіе свѣтской власти.

Относительно состава настоящаго собора интересно отмѣтить утвержденіе проф. Лебедева, такъ какъ остальные наши авторы этимъ вопросомъ не занимаются, хотя, безъ сомнѣнія, онъ не только интересенъ, но и до нѣкоторой степени важенъ. Указаніе такого рода объяснило бы, какъ отношеніе всего православнаго міра къ подготовительнымъ мотивамъ собора, потому что о нихъ нѣтъ рѣчи у нашихъ авторовъ, такъ и нѣсколько пролило бы свѣта на то, почему на западѣ не тотчасъ же послѣ собора былъ признанъ его авторитетъ. И такъ проф. Лебедевъ указываетъ, что въ началѣ соборъ составилъ изъ представителей восточныхъ, т. е. епископовъ антиохійскаго направленія (132). Но изъ этого конечно не слѣдуетъ, что епископовъ иныхъ богословскихъ направленій не было. Если здѣсь не существовало полной партійности, какъ на I-омъ вселенскомъ соборѣ, хотя послѣдующее прибытіе египтянъ и внесло раздѣленіе, но не надолго, потому что они выдѣлились совершенно;—если не существовало партійности, то были инако мыслящіе, вродѣ Григорія Богослова. Впрочемъ, въ опроверженіе прот. Иванцова, нашъ авторъ разъясняетъ, что эти инако мыслящіе лица все же ближе стояли къ антиохійцамъ, чѣмъ къ александрійцамъ. На соборѣ вообще были представители отовсюду, а не были предумышленно вызваны лица съ особеннымъ богословскимъ характеромъ. Но это разнообразіе под-

¹⁾ Стоить, однако, сказать, что эти общія слова помѣщены тотчасъ же послѣ указанія на ученіе Македонія, какъ на наиболѣе опасное. Такъ что можетъ получиться впечатлѣніе, будто бесѣда о Св. Духѣ была.

чинено было единству. Духъ антиохійцевъ преобладалъ (из. ист. 210). По нашему плану мы должны встрѣтить далѣе у автора характеристику этого преобладающаго антиохійскаго духа. Однако онъ считаетъ нужнымъ оговориться, что антиохійское и александрійское направленія во времена 2-го вселенскаго собора заключались не въ разности догматическихъ воззрѣній, но лишь въ разности духовныхъ склонностей. Догматика ихъ существенно ничѣмъ не отличалась: такого рода воззрѣнія были одинаковы (121). Конечно, это естественно думать и намъ, послѣ взгляда на положеніе церкви въ періодъ между соборный, и вполне понятно. Значить, характеристика должна перейти и заключиться уже не въ указаніе особенностей въ воззрѣніяхъ, собственно, членовъ собора, а въ направленіе и способъ осуществленія самыхъ дѣлъ соборныхъ. Такимъ путемъ и идетъ авторъ. Именно, печатью антиохійскаго вліянія запечатлѣно самое составленіе символа, отношеніе къ еретикамъ, къ Павлину, къ Григорію Богослову и составленіе правилъ соборныхъ. Такъ потому, что склонность къ составленію новыхъ символовъ, благосклонное отношеніе къ еретикамъ, недружелюбное къ папству, — это оставшіяся отличительныя черты духовной фізіономіи антиохійцевъ. Послѣ этого понятно, что настойчивое проведеніе мысли прот. Иванцова о „капподокійскомъ вліяніи“, этой отрасли александрійскаго направленія, съ значительными отличіями отъ него, — въ сущности ни къ чему особенному не ведутъ и не опровергають автора. Если же 2 вселенскій соборъ поставляетъ себя въ связь только съ первымъ, а не съ арианскими соборами (Прав. обзор. 1882 г. с. 623), то, думаемъ, это понятно: собраніе вѣдь было не арианъ, а православныхъ. Хотя они представители и антиохійскаго направленія, но, по догматикѣ, не отличались существенно отъ александрійцевъ. Такъ что нѣсколько страннымъ представляется, почему на такой аргументъ ударяетъ прот. Иванцовъ.

Что касается до отношенія имп. Θεодосія къ дѣламъ церковнымъ, то проф. Терновскій и пр. Іоаннъ соглашаются, что дѣлю Θεодосія было умиротвореніе церкви. Вотъ почему онъ на соборѣ призывалъ къ единомыслію, какъ мы видѣли, македоніанъ. Но если имп. въ этомъ отношеніи походилъ на Константина Великаго, то не всецѣло. Того поли-

тика, по словамъ Терновскаго, была не чужда компромиссовъ, переговоровъ; между тѣмъ политика Θεодосія можетъ быть охарактеризована, какъ болѣе прямая, суровая и горячая. Онъ иногда дѣйствовалъ силою, военнымъ деспотизмомъ (с. 135). Быть можетъ, невольнo пр. Иоаннъ даетъ, не только подтвержденіе такому приговору, но и проливаетъ свѣтъ на еще болѣе важное. Именно, когда пишетъ, что постановленіе отцовъ собора имп., не только утвердилъ, но въ послѣдующемъ своемъ указѣ потребовалъ передачи церкви въ руки православныхъ (с. 65). Здѣсь, можетъ быть, невольнo констатируется перемѣна политики предшествующихъ государей: здѣсь дается понятіе объ одномъ стремленіи: къ проведенію единства въ церкви. Невольнo дѣлается указаніе на то, что „въ лицѣ Θεодосія возникъ древній языческій pontifex maximus, соединившій въ однихъ рукахъ sacerdotium и imperium“. Здѣсь „въ первый разъ въ исторіи христіанства догматическія положенія вѣры стали предметомъ государственнаго законодательства, вошли въ кодексъ гражданскаго права и провели не существовавшее ранѣе политическое различіе между православіемъ и ересью“ (Спасс. с. 569). Поэтому, не правъ проф. Кургановъ, когда утверждаетъ, что установленія отношеній церкви къ государству и при преемникахъ Константина не сдѣлано, такъ какъ не было извѣстныхъ церковныхъ правилъ (с. 154). Между тѣмъ, незадолго до такого утвержденія, онъ говорилъ объ изданіи Θεодосіемъ же закона объ убѣжищахъ, ограничивающаго права церкви въ этомъ отношеніи. Развѣ такой указъ, хотя какимъ-либо образомъ не касается отношеній между церковью и государствомъ?

б) Дѣятельность соборная.

Естественно, что прежде рѣчи о дѣяніяхъ соборныхъ, нужно бы высказать свой взглядъ на источники, изъ которыхъ придется черпать такіа или иныя свѣдѣнія. Такая необходимость какого либо опредѣленнаго и устойчиваго отношенія къ источникамъ вызывается еще тѣмъ, что „до насъ не сохранилось главнаго источника, откуда можно было бы черпать нужныа для насъ свѣдѣнія. не сохранилось актовъ соборныхъ; свидѣтельства церковныхъ источниковъ очень спутаны. И лучшимъ источникомъ нужно признать одно

сочиненіе Григорія Богослова: „о своей жизни“, хотя оно и односторонне“ (Изъ ист. соб. с. 203—1). Въ этомъ отношеніи, если исключить проф. Терновскаго, который, почему-то, почти не удѣляетъ вниманія 2 собору, какъ и первому, ограничиваясь лишь описаніемъ положенія св. Григорія и отношеній имп. Θεодосія къ нему,—мы о повѣствованіи пр. Іоанна, пожалуй, все скажемъ, если приведемъ слова рецензента диссертациі проф. Лебедева. „Второй соборъ, пишетъ тотъ, изучался односторонне. Приводили цитаты изъ церковныхъ историковъ, Григорія Богослова и только.. (Или, добавимъ, просто писали безъ ссылки на цитаты). Свидѣтельствомъ Григорія пользовались, или такъ, что въ мрачныхъ краскахъ представляли соборъ, или, въ интересахъ религіознаго чувства (какъ пожалуй у Іоанна), на половину (Отз. с. 11). Правда, пр. Іоаннъ, будто, высказываетъ взглядъ по поводу неполноты показаній церковныхъ историковъ о дѣянiяхъ соборныхъ. Но объясняетъ это только краткимъ указаніемъ на разное пониманіе тѣми своей обязанности. Почему такимъ критическимъ изысканіемъ удовольствоваться едва-ли возможно. При томъ, замѣтка эта помѣщена тамъ, гдѣ онъ говоритъ о правилахъ соборныхъ (с. 62—3), когда важнѣе то дѣятельность догматическая.

Не такъ относится проф. Лебедевъ. „Онъ анализируетъ сочиненія Григорія Богослова, имѣющія отношеніе къ дѣлу; недовѣряетъ Григорію, уясняя, почему тотъ такъ не благоприятно отзывался о соборѣ (у Іоанна только „скорбитъ“, с. 53), дѣлаетъ попытку читать у Григорія между строками, вслѣдствіе чего лестно отзывается о соборѣ и тѣмъ оказываетъ немаловажную услугу православноі богословскоі наукѣ, которая, согласно съ церковью, вѣритъ въ святость и авторитетъ собора“ (Отз. с. 11).

Но какъ бы тамъ ни было, однако нужно сказать, что общій ходъ дѣйствій, точнѣе сказать, составныя части соборной дѣятельности нашими авторами указываются вѣрно. Впрочемъ, нельзя сказать, что самый ходъ событій представленъ въ своей послѣдовательной смѣнѣ.

Правда, рецензентъ Лебедева впадаетъ въ лиризмъ и констатируетъ наличность у послѣдняго, пожалуй, полной картины собора. „Ему, автору диссертациі, пишетъ онъ, мало знать результаты соборной дѣятельности. Ему хочется войти

внутри церкви, гдѣ соборъ; посмотрѣть, кто тамъ сидитъ; послушать, что именно тамъ говорятъ, о чемъ спорятъ. И это иногда удается ему блистательно (с. 11). Можетъ быть, у автора и было такое желаніе, но все-таки въ его разсказѣ нельзя находить послѣдовательнаго, какъ можно видѣть, научно-живописнаго разсказа дѣятельности собора. Поэтому и интересно нарисовать себѣ возможно полную и болѣе вѣрную картину собора, хотя бы въ схематическомъ порядкѣ.

Открывается соборъ подъ предсѣдательствомъ еп. Мелетія Антиохійскаго. Въ книгѣ „изъ исторіи вселенскихъ соборовъ 4 и 5 вв.“, проф. Лебедевъ указываетъ, что первымъ дѣломъ собора было утвержденіе Григорія Богослова на Константинопольской кафедрѣ (с. 203). Но естественнѣе и въ согласіе съ предназначенной задачей собора—представлять, что таковымъ дѣломъ было разсмотрѣніе догматическихъ воззрѣній противниковъ православія, осужденіе ихъ и утвержденіе Никейскаго ученія. Омїи, евноміане... и отказавшіеся отъ единенія македоніане осуждаются (Спасс. с. 576—8) Затѣмъ, Григорій утверждается и становится законнымъ еп. Константинополя. Внезапно умираетъ Мелетій— „и возникаетъ страстный вопросъ о назначеніи ему преемника; вопросъ волновавшій не только Востокъ, но и Западъ (Спасс. с. 582). Выступленіе Григорія въ качествѣ первенствующаго члена, желавшаго склонить къ единенію членовъ собора и рѣшенію вопроса въ направленіи, которое бы снискало Востоку благосклонность Рима—не привело къ цѣли. Принципіальное стремленіе папъ къ преобладающему властвованію въ церкви (Леб. 128. Спасс. 584), а не одно лишь неразумное почтеніе предъ памятью Мелетія (е. Іон. 53), уже сознавалось и вызвало единогласный отпоръ со стороны членовъ собора. Положеніе Григорія начинаетъ колебаться. Но этимъ несогласіа его съ соборомъ еще не кончились. Есть возможность думать, что затѣмъ начинается переработка символа Никейскаго, который не отвѣчалъ на всѣ запросы и требованія религіозной мысли и чувства. Григорій сталъ, повидимому, въ прямую оппозицію относительно удовлетворенія этой нужды; и, подъ страхомъ „измѣнить что-либо въ своемъ спасеніи“, рѣже сталъ показываться на соборѣ. Съ прибытіемъ епископовъ египетскихъ, не сошедшихся съ отцами собора и отвергнувшихъ каноничность избранія са-

мого Григорія на Константинопольскую кафедру, — послѣдній отказывается отъ обязанностей столичнаго епископа и передаетъ таковыя новоизбранному Нектарію. Послѣ этого, соборъ благополучно все заканчиваетъ, составляетъ правила, и постановленія соборныя утверждаются императоромъ.

Уже изъ такого краткаго обзорѣнія соборной дѣятельности, не трудно заключить, что, если творенія великихъ отцовъ церкви предшествующей эпохи и легли въ основу при переработкѣ Никейскаго символа и составленіи новыхъ членовъ, то это не въ силу предсѣдательскаго положенія на соборѣ св. Григорія (Какъ у пр. Іоанна с. 49). Нечего, потому, повторять вновь, какъ проф. Лебедевъ уже доказывалъ, что для признанія на соборѣ выдающагося вліянія Григорія Богослова и Григорія Нисскаго фактическихъ данныхъ нѣтъ (Изъ ист. с. 205). Онъ идетъ даже дальше: утверждаетъ, что разсмотрѣніе собственныхъ показаній св. Григорія Богослова приводитъ къ отрицанію активнаго участія его въ важнѣйшихъ дѣянiяхъ собора (т. с. 205). Свидѣтельство же Каллиста (ев. Іп. с. 49) Лебедевъ отвергаетъ и даже указываетъ на остроумную догадку, что такое утвержденіе получилось путемъ ошибки (Диссерт. прим. на с. 120, изъ ист. с. 206).

Что касается до вопроса о томъ, откуда и какъ возникъ Константинопольскій символъ, то всѣ наши авторы останавливаются на утвержденіи, что онъ представляетъ передѣлку символа Никейскаго. Если не въ самой диссертациі, то въ послѣдующихъ своихъ изслѣдованіяхъ по этому вопросу, проф. Лебедевъ подробно доказываетъ приведенный нами выводъ анализомъ догматическаго ученія символа. Такъ какъ мы соглашаемся съ этимъ воззрѣніемъ, что символъ Константинопольскій „былъ непосредственнымъ преемникомъ Никейскаго въ актѣ творчества символовъ вселенскаго значенія“ (Бог. Вѣстн 1902 т. I. с. 272): то тѣмъ самымъ считаемъ за излишнее вдаваться въ историко-критическое изслѣдованіе разныхъ воззрѣній по этому вопросу. Прибавимъ лишь словами свѣтѣйшаго изслѣдователя, что „Константинопольскіе отцы не ограничились только необходимымъ и вызываемымъ современными нуждами исправленіемъ Никейскаго символа. Они самый стиль его подвергли пересмотру и въ результатѣ дали вѣроизложеніе, отличаю-

щееся въ литературномъ изложеніи замѣчательной художественной цѣльностью (Сп. 617).

3. Взглядъ на авторитетъ и значеніе собора.

Преимущественно развитъ подобный взглядъ у проф. Лебедева. Если вѣроисповѣданіе 2-го вселенскаго собора не сдѣлалось причиною такихъ великихъ несогласій и волненій, какія породилъ Никейскій символъ, то, во всякомъ случаѣ, раздѣленіе православнаго міра въ воззрѣніяхъ на Константинопольскій соборъ произошло и споръ, хотя „не особенно ясный и шумный“, былъ. Вотъ почему не сразу, послѣ собора, послѣдовало признаніе авторитета нашего символа и собора. Представители отдѣлившагося отъ собора александрійскаго направленія, а за ними и вся александрійская церковь, начинаютъ отрицать законность собора, необходимость и достаточность новаго символа: словомъ, „совѣтъ не хотѣли признавать собора“ (Леб. ч. I, с. 143). Въѣсть съ александрійскою церковью отрицала соборъ и церковь римская, весь Западъ, не смотря на то, что послѣдующіе соборы сообщали на Западъ свѣдѣнія, которыя должны бы расположить западныхъ епископовъ въ пользу восточныхъ, въ пользу 2-го вселенскаго собора (т. с. 143—4). Въ особенности, добавимъ, право чести Константинопольскаго епископа было сильнѣйшей обидой для Рима, какую можно было придумать (Спасс. с. 587). И много еще протекло времени, прежде чѣмъ соборъ Константинопольскій, достаточно претерпѣвъ въ горнилѣ всякихъ отрицаній, сталъ авторитетенъ для всѣхъ. Извѣстно, что въ эпоху 3-го вселенскаго собора несторіанская сторона исповѣдывала свою вѣру въ типическихъ формулахъ собора Константинопольскаго (Леб. с. 172). Тогда какъ александрійскій епископъ съ соборомъ, гдѣ были и представители Рима, исходною точкою своихъ разсужденій бралъ символъ Никейскій. Свое уваженіе къ нему онъ простиралъ даже до утвержденія незыблемости символа на будущія времена (т. с. 176—7). Въ эпоху монофизитства: родоначальникъ его, архим. Евтихій (т. с. 198), и цѣлый соборъ, 449 г. читаютъ и признаютъ только Никейскій соборъ и умѣшленно игнорируютъ символъ Константинопольскій, какъ новшество, какъ извращеніе вѣры Никейской (т. с. 216—17). Даже на Халкидонскомъ соборѣ, такъ называемая,

„правая“ сторона усвояла церковный авторитетъ лишь символу Никейскому (с. 238). Между тѣмъ, приверженцы уніи послѣ 3-го вселенскаго собора (с. 197, 200), такъ называемая „лѣвая“ сторона на 4-мъ вс. соборѣ, признавали авторитетъ Константинопольскаго символа и доказывали, что безъ Константинопольскихъ поправокъ и дополненій символъ Никейскій неполонъ и несовершененъ (с. 237). Однако, не смотря на разные взгляды даже членовъ Халкидонскаго собора, относительно символовъ здѣсь же полагается и первая попытка къ авторитетному признанію всѣми Константинопольскаго символа и собора. Самое чтеніе символа 2-го собора, выступленіе папскихъ легатовъ за символъ—это начало общецерковнаго торжества нашего символа. Если и остаются еще одинокіе протесты противъ вѣры 150-ти отцовъ, то они безсильны (т. с. 274); предпочтеніе, оказываемое Халкидонскимъ соборомъ (247) ей предъ Никейской, приводитъ въ 5 вѣкѣ къ общему признанію и утвержденію Константинопольскаго символа во всей церкви (т. с. 143, 247—8). Послѣдній символъ начинаетъ упоминать и гражданское законодательство (с. 275).

Хотя Константинопольскій соборъ не находилъ первоначально всеобщаго признація; однако, по даннымъ нашихъ авторовъ, мы можемъ составить себѣ представленіе о его значеніи. Впрочемъ, данныя эти касаются, собственно, одной стороны: чисто догматической. Въ этомъ отношеніи соборъ важенъ, потому что выяснилъ и окончательно сформулировалъ извѣстные пункты вѣроученія, потребнаго для спасенія человѣка. Это понятно. Но вотъ о чемъ, пожалуй, умалчиваютъ наши авторы. Именно, съ отрицательной стороны, вѣроопредѣленіе Константинопольскаго собора служило къ обузданію опощленія религіозныхъ споровъ, къ уничтоженію тѣхъ шутокъ и насмѣшекъ, какія народились съ того времени, когда предметы вѣры перешли на обсужденіе рынковъ, театровъ, площадей и бань (Спасс. с. 572—3). Можно сдѣлать и еще выводы. То снисхожденіе, съ которымъ соборъ обращается къ разнымъ еретикамъ и о приѣмѣ которыхъ постановилъ особыя, мягкія правила (вспомнимъ объ Аванасіи, который не хотѣлъ разъ отлученнаго принимать въ церковь),—говорило за высокую степень христіанской любви у собора. Это, при всеобщихъ распряхъ и несогласіяхъ, при

всеобщемъ недоувѣрїи другъ къ другу и умственномъ броженїи, не могло не привлекать къ нему людскїе сердца.

Важно и установленіе церковныхъ правилъ, порядковъ и степеней власти и правъ церковныхъ предстоятелей. Это во всякомъ случаѣ, должно было уменьшить, по крайней мѣрѣ, открытыя вмѣшательства одного епископа въ дѣла другого. Что же касается до идей, которыми руководствовались отцы собора и въ которыхъ можно усматривать ихъ отношеніе къ идеямъ, которыя двигали и внутреннею жизнью современнаго общества, то, въ соотвѣтствїи съ матеріаломъ, которымъ мы располагаемъ,—матеріаломъ, общимъ и послѣдующимъ двумъ соборамъ,—мы считаемъ за лучшее, дабы не повторяться, сказать объ этомъ значенїи собора тогда, когда станемъ утверждать и значеніе 4-го вселенскаго собора.

Глава 3. Третій вселенскій соборъ.

1. Причина созыва собора.

Споры христологическіе, точнѣе, ученіе Несторїа вызвало къ бытію 3 вселенскій соборъ. Въ этомъ вполнѣ согласны всѣ наши авторы. Сущность новой ереси заключалась въ томъ, что во Христѣ два естества представлялись раздѣленными. Божество Его не принимало непосредственнаго участія во всемъ томъ, въ чемъ выразилось уничтожительное состояніе Его (Леб. с. 158). Хотя общеніе между обоими естествами было, но оно не ипостасное, а нравственное; одно соприкосновеніе (Леб. с. 160)

Значить Преподобная Дѣва родила простого человѣка. Отсюда и терминъ Богородица, прилагаемый къ Ней, такимъ образомъ не можетъ быть „наилучшимъ при выраженїи непостижимой тайны соединенія во Христѣ Божескаго и человѣческаго естества“ (Іоан. с. 71). Но откуда выродилось это ученіе и кому обязано своимъ возникновеніемъ? При всемъ желанїи твердо держаться почвы вѣры, говоритъ профессоръ Лебедевъ, несторїанствующіе должны были, какъ скоро они взялись разъяснять таинственный догматъ, не разумъ подчинять вѣрѣ, а вѣру разуму (с. 154). Значить, какъ и во времена аріанства, возникновеніе новой ереси обязано было раціонализму, впрочемъ не особенно смѣлому

(Леб. с. 155) или, по выраженію еп. Існна, близорукому рационализму (с. 67). Первымъ представителемъ былъ Константинопольскій епископъ Несторій. И вотъ, что касается собственно до значенія самой личности Несторія, то ему епископъ Іоаннъ не приписываетъ положенія передового представителя и главы еретиковъ. Напротивъ, первое появленіе такого направленія нужно относить, по нему, за нѣсколько десятковъ лѣтъ раньше времени Несторія, къ учителю послѣдняго—Θеодору Мопсуестскому и даже къ учителю самого Θедора Мопсуестскаго Діодору Тарсійскому (с. 67—68). Не такъ однако смотритъ проф. Лебедевъ. Въ противовѣсъ своему оппоненту, прот. Иванцову, онъ спѣшитъ заявить, что если и не отрицаетъ предшественниковъ Несторію, если и признаетъ даже при Аванасіи существованіе какихъ-то совопросниковъ, которые тогда еще обращались ко всякому съ вопросами, подобными вопросамъ христологической эпохи, однако фактъ тотъ, что споровъ не возникало (Изъ ист. с. 241—2). Поэтому, по прежнему настаиваетъ на томъ, что не будь Несторія, — вполне подходящаго для возникновенія споровъ, лица, вышедшаго, къ тому же изъ антиохійскаго училища—не было бы и христологическихъ споровъ (т. с. 241). Вѣдь до Несторія много было написано прекраснаго по христологическому вопросу: чѣмъ послѣдній, какъ не приближался къ разъясненію, такъ и не встрѣчалъ себѣ возраженій (т. с. 148).

Съ такимъ взглядомъ соглашается и проф. Терновскій, дополняя доводы проф. Лебедева еще свидѣтельствомъ современниковъ Несторія: папы Целестина и Акакія еп. Веррійскаго о виновности именно перваго въ началѣ христологическихъ споровъ. Вслѣдствіи чего приходитъ даже къ утверженію за самыми спорами значенія полной бесплодности, какая доказана вѣроопредѣленіемъ Халкидонскаго собора (с. 156). Итакъ, виновникомъ ереси и причиною собора былъ еп. Константинопольскій Несторій. Интересенъ взглядъ проф. Лебедева на отношеніе Несторія къ Діодору Тарсійскому и Θеодору Мопсуестскому. Онъ не отрицаетъ общихъ чертъ въ воззрѣніяхъ ихъ и Несторія. Но настаивать на исторической преемственности ихъ воззрѣній не считаетъ возможнымъ. Вотъ почему прежде всего, а затѣмъ въ силу того, что въ документахъ, относящихся къ спорамъ

Кирилла съ Несторіемъ и что въ актахъ 3 вселенскаго собора—не говорится ничего о Θεодорѣ, онъ и считаетъ излишнимъ самому говорить объ отношеніи взглядовъ Несторія къ его предшественникамъ (Вс. соб. ч. I прим. на с. 168). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ нашъ авторъ и въ настоящее время, когда указываетъ на промахъ своего новаго оппонента въ лицѣ проф. Пономарева (Прав. соб. 1907 окт. с. 377). Не имѣя основаній сказать что либо по существу, мы думаемъ, однако, что по поводу утвержденія нашего автора, будто 3 вселенскій соборъ ничего не говоритъ о Θεодорѣ, должно замѣтить слѣдующее. Вѣдь проф. Лебедевъ идейно не ограничиваетъ дѣло собора тѣмъ, что постановлено только въ Ефесѣ. Онъ ставитъ самый соборъ въ связь съ такъ называемой уніей тридцатыхъ годовъ 5 вѣка, соединившей богослововъ александрійскаго и антиохійскаго направления, и видитъ въ ней (униі) *заключительный актъ* 3 вселенскаго собора (Лѣб. с. 180). Этотъ заключительный актъ имѣлъ мѣсто послѣ полемики Кирилла съ почитателями Несторія, въ которой фигурировало и лицо Θεодора, съ чѣмъ соглашается и Лебедевъ въ своихъ разъяснительныхъ замѣчаніяхъ (Прав. соб. с. 377). Такъ что, если разсматривать эпоху христологическихъ споровъ, начатыхъ Несторіемъ и законченныхъ заключеніемъ униі, какъ одно цѣлое, то думается, едва ли можно устранять историческую преемственность между воззрѣніями Θεодора и ученіемъ Несторія.

Вслѣдствіе этого возможно, и въ общихъ чертахъ, пожалуй, даже нужно предворять изложеніе ученія Несторія указанія на общія черты воззрѣній его предшественниковъ, такъ какъ тогда понятнѣе представится намъ отношеніе 3 вселенскаго собора къ 3 главамъ.

2. Самый соборъ.

а) Составъ собора и участіе свѣтской власти.

И такъ, споры начались. Главное участіе въ нихъ приняли: самъ Несторій, выступившій на защиту своего ученія, а со стороны православныхъ, въ томъ числѣ и Рима,—Кириллъ Александрійскій. Намъ пѣтъ надобности обозрѣвать всѣ подробности борьбы, начавшейся изъ-за наименованія Пресвятой Дѣвы „Богородицей“; борьбы, исторію которой до-

волью подробно излагаетъ еп. Іоаннъ и проф. Терновскій. Скажемъ лишь, что къ единенію спорящія стороны не пришли. Поэтому, для безпристрастнаго изслѣдованія спорнаго вопроса, правительство гражданское и церковное созываетъ соборъ изъ епископовъ спорящихъ сторонъ (Іоан. с. 116; Леб. с. 175). Вотъ съѣзжаются въ Ефесъ епископы. Но вмѣсто одного получилось въ городѣ 2 собора: тотъ, который въ концѣ-концовъ былъ признанъ православнымъ вселенскимъ соборомъ и отступнической соборъ, приверженецъ Несторія. Если уже само несторіанство возникло изъ стремленія дать широкія полномочія разуму въ дѣлѣ вѣры, то естественно и явившіеся на соборъ несторіанствующіе держалцъ того же возрѣнія, что должно „заниматься изслѣдованіемъ догматовъ“, „дѣлать изысканія въ спорныхъ вопросахъ“ (Леб. с. 154); словомъ, подчинять вѣру разуму. Сюда присоединилось, быть можетъ изъ чувства старой пріязни къ Несторію и досады на Кирилла, умѣренное теченіе въ лицѣ Іоанна Антиохійскаго съ его спутниками, который такъ усердно хотѣлъ въ полемикѣ Кирилла съ Несторіемъ быть примирителемъ и убѣждалъ послѣдняго назвать Пресвятую Дѣву „*Θεοτοκος*“ (Терн. с. 163).

Наоборотъ, сторона православная въ лицѣ Кирилла и окружавшихъ его епископовъ раздѣляла возрѣнія на отношеніе вѣры и знанія, науки и догмата, прежнія убѣжденія великихъ отцовъ церкви: именно, что разумъ долженъ быть подчиненъ вѣрѣ, что для него долженъ быть положенъ предѣлъ въ изслѣдованіи вѣры (Леб. с. 152)..

Что касается до императорской власти, то она выступаетъ и вмѣшивается въ дѣла церковныя только въ самый разгаръ полемики и начинается, какъ передаетъ еп. Іоаннъ, съ осужденія Кирилла, по клеветѣ Несторія (с. 115). Пожалуй, послѣднее и вѣрно, но намъ думается, что такимъ объясненіемъ исчерпать всего отношенія императора къ Кириллу нельзя. У проф. Лебедева мы находимъ извѣстіе, что Несторій пользовался большою привязанностью въ обществѣ константинопольскомъ, такъ что даже, по изгнаніи своемъ, когда умеръ его преемникъ на кафедрѣ, народъ возгласилъ: „да будетъ Несторій снова епископомъ въ столицѣ (с. 150)“. А еще изъ исторіи аріанскихъ смуть, мы знаемъ, что Константинопольскій дворъ и самъ императоръ принужденъ

былъ по государственнымъ нуждамъ становиться на ту сторону, ка какой было большинство—въ „ядрѣ имперіи“, или чьей сторонѣ принадлежало выдающееся вліяніе. Такъ возможно и въ данномъ случаѣ. Тѣмъ болѣе, что главный дѣятель противъ несторіанства - Кириллъ жилъ въ Александріи, этой житницѣ имперіи, гдѣ волненія не могли радовать императора и располагать въ пользу александрійскаго епископа. И вотъ во имя „взаимнаго вспомошествованія церкви и государства“, императоръ примирительное значеніе приписываетъ собору, для чего и приглашаются епископы.

Способствовать внѣшними способами къ единодушному рѣшенію внутреннихъ вопросовъ назначается особый чиновникъ, надѣленный подробной инструкціей (Іоан. с. 116—17). Однако примирительной тенденціи императора наносится ударъ, въ видѣ раздѣленнаго собора. На донесенія всѣхъ сторонъ императоръ отвѣчаетъ новымъ приказаніемъ, чтобы всѣ члены собора пришли къ мирному соглашенію. Говоря это, еп. Іоаннъ констатируетъ нѣкоторое неблагоприятное въ указѣ отношеніе къ Кириллу, составившееся подъ особеннымъ давленіемъ сановниковъ, примкнувшихъ къ противной сторонѣ (с. 134). Но думается это не вполне такъ. Вѣдь, какъ бы то ни было, а Кириллъ началъ соборъ, вопреки настоянію Кандидіана (Терн. с. 162). Это фактъ не подлежащій сомнѣнію и чиновникомъ, замѣнявшимъ собою особу императора, могъ, понятно, быть выставленъ, довольно справедливо не иначе, какъ доказательство неуваженія со стороны Кирилла къ нему, а въ его лицѣ и къ императору. Далѣе, его самого, при возможныхъ симпатіяхъ къ Несторію, какъ противника желательнаго единенія между членами собора. Но новымъ распоряженіемъ дѣло не кончилось. Въ видахъ примиренія, заключены были подъ стражу виновники раздора; образована Халкидонская комиссія, на которой, къ слову сказать, между нѣкоторыми приверженцами Несторіа и единомышленниками Кирилла, различія въ догматическихъ взглядахъ не оказалось (Іоан. с. 144). Императоръ лично выступилъ примирителемъ, когда выслушивалъ депутатовъ обѣихъ сторонъ собора. И въ концѣ концовъ, когда, возможно, обнаружилось большинство на сторонѣ Кирилла,—подъ давленіемъ ли монаховъ, или присоединились сюда и „дары“,—тогда и мысли императора склонились мало-по

малу въ пользу Ефесскаго православнаго собора. То, что было сдѣлано подъ предѣдательствомъ Кирилла осталось ненарушимымъ, тогда какъ Несторій отправился въ ссылку (Терн. с. 165).

б) Дѣятельность собора.

Такъ какъ на соборѣ естественно царило полное единеніе, то не могло быть въ сущности и споровъ (Леб. с. 176). Отчего все нужное сдѣлано въ теченіи одного засѣданія. Другія засѣданія посвящены были: то признанію законности собора со стороны прибывшихъ папскихъ легатовъ; то защитѣ авторитета собора отъ нападеній отрицателей; то оправданію того, что было сдѣлано на первомъ засѣданіи (Терн. с. 163) Именно, ученіе Кирилла найдено вполне православнымъ, соответствующимъ Никейскому символу, тогда какъ Несторій, еретическую и въ посланіи и устно, былъ осужденъ и низложенъ (Іоан. с. 123—4). Для наивозможной ясности и, чтобы представить наибольшее опроверженіе мыслей несторіанскихъ, соборъ постановляетъ прочесть соответствующія мѣста изъ блаженныхъ отцевъ, епископовъ и мучениковъ (Іоан. с. 122); вышедшія изъ подъ пера писателей александрійскаго направленія (Леб. с. 177). Въ этихъ мѣстахъ дается предпочтеніе мысли о тѣснѣйшемъ соединеніи естество въ Христѣ предъ мыслью о раздѣльности представленія оныхъ. Моментъ единства естество въ Христѣ преобладаетъ надъ моментомъ различія тѣхъ же естество (с. 178). Отсюда и вѣроопредѣленіе о единомъ Лицѣ Богочеловѣка. Наоборотъ, „отступническій соборъ“ отвергаетъ анаѳематизмы Кирилла; износитъ въ свою очередь проклятіе на противную сторону. Впрочемъ, раздѣленіе продолжалось не долго. Скоро заключена была унія между Кирилломъ съ его приверженцами и Іоанномъ Антиохійскимъ съ другими епископами Востока. Эта унія была завершительнымъ актомъ Ефесскаго собора (Леб. с. 180; Іоан. с. 149). Въ основу его легло исповѣданіе Іоанна (Леб. с. 183).

3. Вопросъ объ авторитетѣ собора.

Если, въ моментъ самого собора, не было единенія между собравшимися епископами, если во враждѣ они и раздѣхались, то нѣтъ сомнѣній, что авторитетъ собора при-

знавался не всѣми. Противники Кирилла отвергали и соборъ подъ его предсѣдательствомъ. Однако, нужно замѣтить, что такое отрицаніе авторитета не было долгимъ. Унія тридцатыхъ годовъ привела къ признанію авторитета за Ефесскимъ соборомъ и бывшимъ его противниковъ—многихъ епископовъ округа антиохійскаго. Нельзя, конечно, сказать, что не было потомъ враговъ Ефесскаго собора, но во всякомъ случаѣ они уже не имѣютъ прежняго значенія. Они важны какъ враги уніи, соединившей 2 направленія современнаго богословія. Сюда принадлежали и лица александрійскаго богословія, предтечи монофизитства (с. 188—9).

Глава 4. Четвертый вселенскій соборъ.

1. Причина созыва собора.

Не трудно видѣть, что главною и существенною причиною, побудившею созвать 4 вселенскій соборъ въ Халкидонѣ—послужилъ новый видъ христологическихъ споровъ: ересь монофизитская. Въ чемъ ея сущность—ясно выразилъ Константинопольскій архимандритъ Евтихій на соборѣ 448 г. въ томъ же городѣ, въ такихъ словахъ: „послѣ воплощенія Бога Слова я поклоняюсь одному естеству, естеству Бога, воплотившагося и вочеловѣчившагося: исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество (Іоан. с. 154; Леб. с. 199). Формула настолько въ своемъ родѣ достаточная, что цѣлый соборъ монофизитскій нашель возможнымъ только подтвердить это исповѣданіе Евтихія (Леб. с. 222). По вопросу о происхожденіи самой ереси наши авторы нѣсколько расходятся. Проф. Терновскій видитъ виновника монофизитской ереси въ лицѣ самого Евтихія, представлявшаго, по его выраженію, любопытный образчикъ еретика по неволѣ. Утвержденіе, дѣйствительно, способное вызывать одни недоумѣнія, потому что вѣдь почти всѣ еретики вызывались къ обнаруженію своего ученія обстоятельствами (Приб. къ твор. св. отц. 1883 ч. 31 с. 669). Что касается до еп. Іоанна, то онъ видитъ причину монофизитства, хотя въ Евтихія же, но гочнѣе въ неосмысленной, неозаренной просвѣщеніемъ ревности о послѣдованіи св. Кириллу, т. е. богословскимъ сужденіямъ и выраженіямъ, встрѣчающимся

у Кирилла, неправильно понятымъ. Оттого она (ревность) перешла границы и слѣдное послѣдованіе непонятому высокому богословію св. Кирилла выродилось у Евтихія въ противоцерковное ученіе (с. 151). И въ доказательство вѣрности своего діагноза ссылается на тѣ мѣста, въ которыхъ Кириллъ исповѣдуетъ двойство непостижимо соединенныхъ природъ во Христѣ, при одномъ Лицѣ. Хотя нашъ авторъ считаетъ приводимыя имъ выдержки изъ писаній Кирилла „ясными“, по существу дѣла, однако необходимо замѣтить, что въ тоже время, черезъ нѣсколько страницъ, онъ безъ всякихъ оговорокъ и разъясненій приводитъ свидѣтельство Евтихія: 1) о томъ, что этотъ послѣдній изъ чтенія блаж. *Кирилла*, св. отецъ и св. Аѳанасія *убѣдился*, какъ тѣ „признавали два естества прежде соединенія, а послѣ соединенія и воплощенія они уже признавали не два естества, а одно“ (с. 172); 2) „что Господь нашъ Иисусъ Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся ипостасно,—этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ св. отцовъ и ежели случится ему у кого-либо вычитать что-либо подобное, онъ не приметъ этого, потому что божественныя писанія превосходятъ ученія отцовъ (с. 156—7)“.

Какъ бы то ни было, а здѣсь авторъ допускаетъ въ своихъ утвержденіяхъ противорѣчіе. Что нибудь одно должно быть: либо ясно ученіе Кирилла о двухъ естествахъ во Христѣ, и значить не изъ разумной ревности по Кириллу вышла монофизитская ересь; либо у св. отца есть „что-либо ложное или погрѣшительное“, чего Евтихій „и не принимаетъ, и не отвергаетъ, а испытываетъ одно только писаніе, какъ твердѣйшее отеческихъ изложеній (с. 156)“, —значить, точка отправленія въ такой или иной формѣ дана у Кирилла и возможно допустить наличность ревности. Вотъ въ силу такого то противорѣчія, и нужно поискать болѣе существенный источникъ, т. е. идейное настроеніе, обуславливающее появленіе новой ереси: такъ какъ однимъ растяжимымъ понятіемъ ревности, только одною формою эмоціонныхъ проявленій, едва ли возможно объяснить явленіе, овладѣвшее умами на очень долгое время. Поэтому, глубже смотреть на дѣло проф. Лебедевъ. Онъ, по словамъ своего рецензента, „сущность первоначальнаго монофизитства представляетъ не въ какой либо исключительной привязанности къ

ученію Кирилла, а въ противленіи уніи“ (с. 15. отз.). Отъ этого предтечи монофизитства появились еще тотчасъ же послѣ извѣстнаго соглашенія Кирилла и Іоанна. При чемъ, въ такомъ шагѣ Кирилла и видѣли измѣну православной вѣрѣ; вооружались противъ того, что Кириллъ допускалъ ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ, каковое ученіе, по понятію александрійцевъ, было ересью, антиохійскимъ заблужденіемъ. (Леб. с. 189). Напрасно Кириллъ старается образумить своихъ учениковъ: они не удовлетворяются его разъясненіями, не оцѣниваютъ его снисходительности къ нимъ и стали даже злоупотреблять его авторитетомъ, его сочиненіями, его терминологіею. Со смертію Кирилла они выступаютъ открыто; благоговѣя предъ дѣятельностью Кирилла до 433 года, они враги уніи, переставшіе понимать Кирилла и извратившіе его христологическое ученіе (с. 195). Значить, самъ „Кириллъ не отвѣтственъ за появленіе монофизитства (отз. с. 15)“.

Вотъ если стать на такую точку зрѣнія, тогда и понятно намъ будетъ, что противорѣчіе, которое не могъ устранить еп. Іоаннъ, въ сущности не существуетъ. Тогда поймемъ, почему, почитая Кирилла, Евтихій отрицалъ въ его произведеніяхъ наличность ученія о двухъ естествахъ во Христѣ („можно говорить такъ съ натяжкой о сочиненіяхъ Кирилла до уніи“); почему онъ оставляетъ вопросъ открытымъ о нѣкоемъ, чего онъ не принимаетъ и не отвергаетъ („въ чемъ выражается односторонность въ сочиненіяхъ Кирилла“). Такъ что произошелъ извѣстный образъ мыслей у Евтихія оттого, что онъ лишь часть дѣятельности Кирилла признавалъ заслуживающею вниманія, а другую (универсальную)—нѣтъ. (Леб. с. 199). Небольшая подробность. Е. Іоаннъ не говоритъ о томъ, что формулировка Евтихіемъ своего ученія взята изъ сочиненій Кирилла, можетъ быть потому, что тогда пришлось бы бросить нѣкоторую тѣнь на самого Кирилла. Между тѣмъ, такое констатированіе приводитъ только опять къ тому, что формулировка эта потому и еретична, что берется внѣ связи съ прочими воззрѣніями св. отца (Леб. с. 199—200).

Изъ сказаннаго понятно, что Евтихій въ собственномъ смыслѣ не ересіархъ, а только первый открытый выразитель анти-уніонныхъ идей, съ которыми имѣетъ дѣло Константи-

нопольскій соборъ 448 года. Вотъ почему съ нимъ не имѣеть дѣла Халкидонскій соборъ (Терн. с. 177).

Но прежде чѣмъ монофизитство дѣлается предметомъ вниманія собора Халкидонскаго, сама новая ересь должна была пройти двѣ стадіи своего развитія: 1) открытое обнаруженіе въ лицѣ архим. Евтихія и отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны, такъ сказать, разумныхъ почитателей Кирилла, стоявшихъ на иной точкѣ зрѣнія—уваженія къ уніи и тѣмъ документамъ, какія легли въ ея основу. Они почитали особенно примирительную дѣятельность Кирилла (Леб. с. 204)—и чрезъ то иначе къ Евтихію отнестись не могли; 2) эпоху первоначальнаго своего торжества до 4-го вселенскаго собора, въ лицѣ признаннаго на нѣкоторое время вселенскимъ—собора 449 года, когда собрались почти исключительно неразумные приверженцы доуніальной дѣятельности Кирилла, осудившіе судей Евтихія. Буря, поднятая этимъ соборомъ и провозглашеніе, чрезъ судебное оправданіе Евтихія, монофизитства православіемъ, хотя и безъ достаточныхъ основаній,—приводятъ насъ къ заключенію о новой и ближайшей сторонѣ все той же причины Халкидонскаго собора. Именно, чисто судебной, чтобы вынести такой или иной приговоръ по отношенію къ нарушителямъ мира церковнаго.

Такимъ образомъ, Халкидонскій соборъ являлся высшей инстанціей, къ которой обратилась императорская власть при видѣ всеобщихъ жалобъ православныхъ и важности возбужденнаго вопроса (Кург. с. 173).

2. Самый соборъ.

а) Составъ собора и участіе свѣтской власти.

По единогласному утвержденію нашихъ авторовъ, соборъ былъ очень многочисленъ. Въ составъ его входили представители отъ всѣхъ патріархатовъ. При такомъ многочисленствѣ, естественно, что полнаго единодушія на соборѣ не было; составъ его былъ, если такъ можно выразиться, текучъ, вслѣдствіе чего въ разное время соборной дѣятельности образовывались и разныя по количеству и качеству партіи. Впрочемъ, по общимъ признакамъ, весь соборъ можно раздѣлить на двѣ партіи или группы. Такъ дѣлится проф.

Лебедевъ, у котораго находимъ также и подробную характеристику партій, тогда какъ у еп. Іоанна одни лишь намеки, безъ указанія на соответствующую идейную подкладку. Что касается до проф. Терновскаго, то онъ, если не указываетъ партій, то и отрицаетъ дѣленія собора на партіи, отчего этотъ вопросъ у него остается открытымъ и его лично не занимающимъ.

По внѣшнему виду партійность свою соборъ выразилъ тѣмъ, что члены двухъ партій сгруппировались, въ соответствіе своимъ воззрѣніямъ, въ разныхъ сторонахъ храма: одни заняли правую сторону, другіе лѣвую (Леб. 232). Съ внутренней, идейной стороны, партійность членовъ открывалась изъ разности воззрѣній на причину созыва собора и на лицъ, въ томъ заинтересованныхъ. Одна сторона состояла преимущественно изъ дѣятелей предшествовавшаго собора 449 года и его приверженцевъ; была партією монофизитскою, держалась отрицательнаго взгляда на примирительную дѣятельность Кирилла и ея сторонниковъ, напр. Θεодорита; это партія еретическая, представительница крайностей александрійской догматики.

Другая партія Защитниковъ Константинопольскаго собора 448 года, защитниковъ уніи и ея сторонниковъ; это—православная партія, которая руководилась воззрѣніями умѣренно-антіохійскаго направленія, представлявшаго теперь чудную гармонію изъ двухъ, дотолѣ разныхъ богословскихъ направленій (Характеристика по Леб.—ву). Къ составу собора принадлежали еще 17 императорскихъ сановниковъ, съ правомъ голоса и имѣвшихъ существенное вліяніе на ходъ соборныхъ засѣданій (Терн. с. 176).

Что касается до участія свѣтской власти въ новомъ движеніи, то нужно помнить, что на эпоху 4-го вселенскаго собора падаетъ два царствованія: имп. Θεодосія 2-го и Маркіана. Поэтому, вполне естественно, что наши авторы (за исключеніемъ проф. Лебедева) болѣе или менѣе подробно останавливаются на участіи того и другого въ религіозныхъ дѣлахъ. Если мы постараемся подвести итогъ характеристикъ и описанію участія имп. Θεодосія въ религіозныхъ движеніяхъ, по еп. Іоанну, то не трудно вывести слѣдующее. Θεодосій, подъ воздѣйствіемъ партіи благопріятной Евтихію (с. 193), относится благосклонно къ монофизитству и неспра-

ведливо притѣсняетъ православныхъ. Съ самаго выступленія Евтихія на Константинопольскомъ соборѣ со свитою, обнаруживается, что на его сторонѣ дворъ. Его дѣло мило-стиво переносится на рѣшеніе цѣлаго собора, при чемъ самыя предварительныя распоряженія касательно созыва собора заранѣе готовятъ рѣшеніе собора въ пользу Евтихія. Соборъ 449 года утверждается императоромъ и всѣ просьбы о пересмотрѣ дѣла оставляются императоромъ безъ вниманія (222—3).

Быть можетъ, дѣло обстояло и такъ. Но, думается, едва ли возможно объяснять притѣсненія православныхъ однимъ пристрастнымъ къ нимъ отношеніемъ. Конечно, Θεодосій былъ безхарактерный государь и чрезъ то былъ часто игрушкою въ рукахъ разныхъ евнуховъ (Терн. с. 152—3, Кург. с. 163); могъ, подъ воздѣйствіемъ Хризафія, стать противъ Флавіана и на сторону „жертвы“ Евтихія. Тѣмъ не менѣе, игнорировать совершенно многихъ выражений изъ имп. указовъ и истолковывать ихъ исключительно въ духѣ одного пристрастія нельзя. Указы приводитъ и Іоаннъ. Такъ въ указѣ на имя архим. Ворсумы читаемъ: „до слуха императорскаго дошло, что многіе изъ епископовъ оказываются зараженными мыслями Несторія и что многіе архимандриты негодуютъ на такихъ зараженныхъ нечестіемъ Несторія епископовъ и подвизаются за православную вѣру“... (с. 194). Въ повелѣніи на имя государственныхъ чиновниковъ читаемъ: „быть собору въ Ефесѣ, дабы, изгнавши отовсюду искаженіе догмата, неприкосновенно сохранить въ сердцахъ правдивость молитвы и тѣмъ упрочить безопасность государства и человѣческаго счастья (с. 197)... Та же цѣль указывается и присутствующимъ на соборѣ 449 года военачальникомъ Елпидіемъ (с. 202). По отношенію къ Флавиану высказывается такой взглядъ, что онъ „захотѣлъ возбудить какой то вопросъ о св. вѣрѣ противъ Евтихія и, созвавши совѣтъ, началъ что то дѣлать, то мы... желали вопрепятствовать возбужденному *беспорядку*, будучи достаточно убѣждены въ православной вѣрѣ, переданной св. отцами, бывшими въ Nikee... Убѣждали сего епископа (Флавіана) оставить такое *изслѣдованіе*, чтобы оно не сдѣлалось *причиною беспорядковъ во всей вселенной*. но онъ не успокоился... Разсудивши,... сочли необходимымъ собраться вашей святости

(собору), чтобы вы... *исторгли* весь діавольскій корень и *извергли* изъ св. церкви *ревнующихъ о богохульствѣ* нечестиваго *Несторія*, или *благопріятствующихъ ему*, и неприкосновенность православной вѣры сдѣлали прочною (с. 198)...

Въ приведенныхъ мѣстахъ, при безпристрастномъ къ нимъ отношеніи, Θεодосій, или въ его лицѣ подлинныя тогдашніе государственныя дѣятели выступаютъ съ своей идейной стороны. Не просто, по собственному побужденію, или подъ воздѣйствіемъ окружающихъ, имп. мирволить однимъ, притѣсняетъ другихъ. Нѣтъ. Онъ (или, въ его лицѣ, думаемъ, безразлично)—онъ возстаетъ противъ Флавіана и другихъ за несторіанскій образъ мыслей; за безпорядокъ, какой онъ, будто, внесъ въ церковь и который противорѣчилъ преданному ученію. Причина, значить, въ особо-выраженномъ благочестіи. Дальше. Онъ возстаетъ на противниковъ Евтихія въ видахъ безопасности государства и спокойствія подданныхъ. Такимъ образомъ, причина лежала въ заботѣ о благѣ государства; именно тогда, когда уже начинаются сепаративныя стремленія окраинъ Византійской имперіи (Терн. с. 180, И. Андреевъ. Кон—скіе патріархи. Серг. пос. 1895 с. 231). Если, слѣдовательно, по слабости своего характера онъ не могъ рѣшиться на военный отпоръ, то способенъ былъ, подъ вліяніемъ окружающихъ, обратиться къ извѣстной уже политикѣ уступокъ, чтобы на единствѣ религіозномъ создать политическое единство. Поэтому, пусть Θεодосій (или окружающіе его) ошибался въ своихъ взглядахъ на православіе, какъ возобновляющееся несторіанство. Но грозный призракъ Несторія не его одного смущалъ, а и монофизитовъ, такъ что имп. платилъ только, такъ сказать, дань своему времени. Во всякомъ случаѣ, думается, онъ, пожалуй, такъ же считалъ предосудительнымъ свое недоброжелательное отношеніе къ православнымъ, какъ и его предокъ, Θεодосій Великій, къ неправославнымъ, послѣ вселенскаго собора 381 года.

Въ иное положеніе православіе попадаетъ по смерти Θεодосія 2-го. Новый императоръ, сильный характеромъ и властью, Маркіавъ съ Пульхеріей прежде всего канонизуютъ умершаго Флавіана и переносятъ его мощи въ Константинополь (Терн. с. 171). Для торжества православія созывается соборъ. Въ видахъ примиренія враждующихъ сторонъ и съ

цѣлью контроля, чтобы не было неурядицъ, подобныхъ тѣмъ, какія имѣли мѣсто на соборѣ 449 г., императоръ мѣсто для собора указываетъ въ Халкидонѣ.

Если лично не присутствуетъ на соборѣ, то назначаетъ представителей отъ себя, роль которыхъ, какъ потомъ опредѣлилось, состояла въ томъ, что они съ правомъ голоса то направляютъ ходъ дѣятельности соборной (Леб. 260, 262, 264. Иоан. 229, 234, 5, 7, Терн 178); то имѣли своей цѣлью примиреніе противныхъ сторонъ (Иоан. 232. Леб. 260—1); то слѣдятъ, чтобы на соборѣ не было безпорядковъ (Леб. с. 179); то чтобы была соблюдаема справедливость (Иоан. с. 232)—словомъ, ихъ цѣлью было—всеми силами привести епископовъ, по намѣренію и приказанію императора, къ единодушному рѣшенію дѣль, подлежащихъ соборному разсмотрѣнію (Леб. 263. 269) и притомъ вполнѣ свободно.

б) Дѣятельность соборная.

Въ своемъ описаніи 4 вселенскаго собора—одинъ, въ сущности, проф. Терновскій, хотя и кратко, но со всѣхъ сторонъ разсматриваетъ разностороннюю соборную дѣятельность—судебнаго, догматическаго и каноническаго характера. Остальные же авторы преимущественно останавливаютъ свое вниманіе на какой либо одной сторонѣ соборной дѣятельности. Такъ еп. Иоаннъ большую часть своего вниманія обращаетъ на описаніе суда надъ Ефесскимъ соборомъ 449 г. и разоблаченію царившаго на немъ деспотизма; гораздо меньшую удѣляетъ важнѣйшей части—уясненію истины соединенія во Христѣ 2 естествъ и составленію вѣроизложенія. О канонической же сторонѣ дѣятельности собора ничего не говоритъ. Что касается до проф. Лебедева, то у него „въ особенности обращаетъ на себя вниманіе сдѣланный авторомъ многосложный анализъ того дѣянія соборнаго, на которомъ происходило составленіе вѣроопредѣленія. Авторъ разсматриваетъ соборъ вообще, какъ торжество уніонно-антиохійской стороны, вслѣдствіе чего склоняется къ мысли (вопреки установившемуся научному убѣжденію), что Халкидонское опредѣленіе составлено не столько подъ вліяніемъ извѣстнаго посланія Льва, сколько уніоннаго исповѣданія Іоанна антиохійскаго. (16 с. отз.). Поэтому мало удѣ-

ляетъ вниманія судебной части собора и почти игнорируетъ каноническую.

Мы остановимся болѣе подробно на выясненіи отношенія посланія Льва къ вѣроопредѣленію Халкидонскаго собора, такъ какъ наши авторы въ выводахъ разногласятъ.

Если проф. Терн. прямо утверждаетъ, что догматическое посланіе Льва служило, какъ бы краеугольнымъ камнемъ для соборныхъ обсужденій и рѣшеній, и въ виду этого то Константинопольскому патріарху и собору пришло желаніе ограничить папу хотя канонически (с. 179); если еп. Іоаннъ избѣгаетъ такого полнаго утвержденія, но видитъ въ посланіи Льва какъ бы программу предстоящихъ занятій членовъ Халкидонскаго собора (с. 224—5): то проф. Лебедевъ, какъ мы видѣли, придаетъ больше значенія при формулировкѣ вѣроопредѣленія Халкидонскаго уніонному посланію Іоанна, чѣмъ посланію Льва, хотя и не отвергаетъ, что это „вѣроопредѣленіе имѣетъ сродство съ посланіемъ Льва въ духѣ“ (Изъ ист. с. 247). Принимая во вниманіе возраженія оппонентовъ такому взгляду Лебедева, мы считаемъ возможнымъ согласиться скорѣе съ послѣднимъ, чѣмъ съ первыми. Такъ проф. Терновскій доказательство извѣстной дѣйственности посланія Льва видитъ въ 28 правилѣ 4-го собора, инициатива котораго, по нему, принадлежала самому Константинопольскому патріарху и отцамъ собора.

Между тѣмъ, оказывается, что 28 правило даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ фактически урѣзывало права константинопольской каѳедры, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ константинопольскій епископъ Анатолій. Если бы канонъ этотъ былъ плодомъ стараній Анатолія, то едва ли бы онъ захотѣлъ отказаться отъ того, что принадлежало его предшественникамъ. Поэтому, нельзя подозрѣвать его въ стремленіи расширить свою власть новыми полномочіями (Андр. К—іе патр. с. 216—7). И что не Анатоліемъ¹⁾ вопросъ о правахъ столичной каѳедры былъ вставленъ въ программу,—видно изъ словъ сановниковъ, въ которыхъ опровергается и заявленіе папскихъ легатовъ, будто извѣстный канонъ былъ утвержденъ „воровски“, намѣренно, въ ихъ

¹⁾ О томъ же, кому принадлежала инициатива этого правила и какъ оно проведено, подробно говоритъ проф. Лебедевъ въ трудѣ: „Дух. древ. всел. церк.“ стр 218—224.

отсутствіе. Слова эти: „что принадлежитъ престолу святѣйшей церкви великоименитаго Константинополя касательно рукоположенія въ областяхъ, объ этомъ своимъ порядкомъ будетъ разсмотрѣно на святомъ соборѣ“ (т. с. 218). Далѣе. Что касается до мотивовъ, которыми руководились сами отцы Халкидонскаго собора, то о нихъ читаемъ въ посланіи къ папѣ: „извѣщаемъ, что для благочинія въ дѣлахъ и утвержденія церковныхъ постановленій, мы опредѣлили нѣчто другое (кромѣ догматическихъ опредѣленій)“. При чемъ прибавляютъ, что такія постановленія сдѣланы подъ воздѣйствіемъ императоровъ, знаменитаго сената и всего, такъ сказать, царствующаго города (т. с. 215). Поэтому, проф. Андреевъ,—если и считаетъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ одного ученаго, что однимъ изъ условій, вызывавшихъ сочувственное отношеніе отцовъ къ утверженію преимуществъ Константинопольскаго епископа, можно считать гордое поведеніе легатовъ папы, ихъ надменное и иногда обидное отношеніе къ восточнымъ епископамъ во время соборныхъ засѣданій, (с. 220) но въ то же время и доказываетъ, что инициатива соборныхъ опредѣленій о Константинопольской кафедрѣ принадлежала: 1) императорской четѣ, 2) сенату, 3) самимъ отцамъ собора и 4) клиру константинопольскому (с. 218—220). Значитъ собственно отцамъ собора принадлежала очень малая доля участія въ проведеніи 28 правила. А властямъ и народу едва ли можно приписывать желаніе канонически ограничить папу; скорѣе чести ради царствующаго града и только. Кромѣ всего этого нельзя игнорировать и того, что посылая своихъ легатовъ на соборъ, папа даетъ имъ инструкцію: „всеми способами охранять достоинство его лица, а если бы, прибавляетъ онъ, нѣкоторые, по убѣжденію въ значеніи своихъ городовъ, покусились поколебать оное,—такихъ опровергнуть, какъ требуетъ право“. Значитъ у папы были заранѣе основанія опасаться покушеній поколебать достоинство его лица „и что подъ этими таинственными нѣкоторыми“ разумѣлись константинопольскіе правительство и клиръ (с. 218). Слѣдовательно, добавимъ, между посланіемъ Льва и 28 правиломъ, уже потому нельзя признать отношеній причины и слѣдствія, что самый вопросъ объ ограниченіи папы возникъ не вдругъ, а подготовлялся издавна. Припомнимъ,

кстати, что еще 2 вселенскій соборъ открыто высказался противъ подчиненія папской власти; что особенно епископы, стоявшіе подъ воздѣйствіемъ антиохійскаго богословія, всегда отрицательно относились къ папству; а теперь еще противъ папы настроилась и Александрія, въ лицѣ Діоскора произнесшая по адресу папы анаѹему. Такъ что, видѣть въ исключительномъ вліяніи на соборъ посланія Льва, существенную причину каноническаго ограниченія власти папъ, едва ли возможно, потому что тогда зачеркивалась бы вся предшествовавшая историческая настроенность Востока противъ папства. При такомъ положеніи, при подобной настроенности, вполнѣ естественно желаніе, слѣдовать не слѣпо за авторитетомъ, а перерабатывать и выражать данное тѣмъ по своему. И въ указанномъ случаѣ, именно, по восточному, по уніонно-примирительному. Послѣ этого уже безразлично, что могло вліять на отцовъ: буква или самый духъ. Скорѣе духъ посланія. Послѣ этого въ сущности немного можно сказать противъ доводовъ проф. Бѣляева. (Чт. въ общ. люб. дух. просв. 1879. т. 3 с. 580—2). Сущность ихъ сводится собственно къ такому силлогизму: „если посланіе Льва легло въ основу возрѣвнй православной стороны собора, то слѣдовательно оно же легло и въ основу вѣроопредѣленія; вѣроопредѣленіе было результатомъ этихъ возрѣвнй“ (с. 580—1).

Вмѣсто разбора всѣхъ его доводовъ и фактовъ, которые къ слову сказать, по нашему мнѣнію, можно съ такимъ же успѣхомъ использовать и въ защиту средства посланія и вѣроопредѣленія, только *въ духъ*, мы, въ отвѣтъ на силлогизмъ приведемъ слѣдующую аналогію. Творенія Святыхъ Отцовъ 4 вѣка легли въ основу догматическаго ученія о Святомъ Духѣ въ Константинопольскомъ символѣ;—а между тѣмъ прямо „Богомъ“ Духъ Святой не названъ, какъ у отцевъ того времени. Значитъ, между думами и способами выраженія ихъ сходства по необходимости, едва ли можно установить. За всѣмъ тѣмъ, общій ходъ соборной дѣятельности представляется въ такомъ видѣ. Послѣ успокоенія членовъ собора при появленіи Феодорита, начинается разборъ дѣла Константинопольскаго и Ефесскаго соборовъ; при чемъ обнаруживается православіе перваго, деспотизмъ и неправославіе втораго; вслѣдствіе чего, послѣ покаянія дру-

гихъ-участниковъ, осуждается Діоскоръ. Когда это дѣло оканчивается, то выносится предложеніе составить вѣроопредѣленіе; предложеніе, встрѣтившее довольно сильную оппозицію и направившее членовъ собора въ сторону усвоенія истины соединенія во Христѣ 2 естествъ, путемъ чтенія твореній Святыхъ Отцевъ, особенно уніоннаго характера и принятія посланія папы Льва Затѣмъ, назначена была коммиссія для выработки вѣроопредѣленія, разборъ и принятіе котораго потребовалъ и продолжительнаго времени. Свобода, господствовавшая на соборѣ, давала возможность со всѣхъ сторонъ взглянуть на вѣроопредѣленіе, чтобы въ концѣ концовъ оно, въ извѣстной формѣ выраженное, было единодушно принято. Кромѣ этого составлены были каноническія правила на одномъ изъ засѣданій (по объявленію въ концѣ 13-го Андр. 218), изъ которыхъ замѣчательно 28. Въ заключеніи всего составлена хвалебная рѣчь къ императору, которымъ и были утверждены соборныя постановленія.

3. Авторитетъ и значеніе собора.

На вопросъ императора Маркіана о томъ, какого рода согласіе руководило членами собора при выработкѣ Халкидонскаго вѣроопредѣленія, получился отвѣтъ: „всѣ такъ вѣруемъ. Всѣ мы согласились, подписались. Сія вѣра православная и т. д.“ (Леб. с. 269). Такой отвѣтъ повидимому сразу же обусловливалъ признаніе авторитета за Халкидонскимъ соборомъ. Но дѣйствительность показала, можно сказать, совершенно обратное. Лишь въ ядрѣ Византійской имперіи съ центромъ Константинополемъ, да и то въ царствованіи только Маркіана и Льва I, съ полнымъ уваженіемъ относились (хотя опять таки не всѣ) къ Халкидонскому собору, со всей чистотой соблюдали его вѣроопредѣленіе. Не такъ—обстояло дѣло на окраинахъ имперіи: Іерусалимѣ, Антиохіи и Египтѣ. Тамъ тотчасъ же послѣ собора монофизитство заняло преобладающее положеніе: начались насилія надъ православными и произносились анафемы по адресу 4 вселенскаго собора. Въ концѣ-концовъ волненія монофизитскія произвели сумятицу во всей Византійской имперіи. Снисходительно, а иногда прямо покровительственно стала къ нимъ относиться и императорская власть. Появлялись, время отъ времени указы, въ которыхъ, либо

„прямо осуждался Халкидонскій соборъ (энциклика Василиска)“, либо „двусмысленно говорилось о немъ (Лѣб. ч. 2 с. 13)“, „умалаялась его важность (Терн. 247)“ тѣмъ, что поступались изъ Халкидонскаго вѣроопредѣленія нѣкоторыми точнѣйшими вѣроисповѣрными опредѣленіями, не называли его вселенскимъ и чрезъ то истина соборная низводилась на степень богословскаго мнѣнія (эотиконъ Зенона) (Кург. с. 209, 210, 212).

Мѣры эти не въ состояніи были успокоить спорящихъ сторонъ, какъ не въ состояніи были сдѣлать что-либо полезное и подтвержденіе авторитета 4 собора на собраніи пребывавшихъ въ Константинополѣ епископовъ (Кург. с. 231). Споры продолжались, отношенія были по прежнему обострены. Только настойчивые указы Юстина объ авторитетѣ Халкидонскаго собора и Юстиніана, заключавшіеся созваніемъ 5 собора, съ его осужденіемъ 3 главъ, могли въ концѣ-концовъ привести къ тому, что вообще въ церкви, за исключеніемъ отдѣлившихся отъ нея еретическихъ общинъ, авторитетъ 4 собора былъ признанъ. Но, какія двигательныя силы, какія побудительныя причины лежали въ основѣ этой реакціи по отношенію къ Халкидонскому собору и его вѣроопредѣленію? Вопросъ этотъ естественно задать, потому что проф. Лебедевъ говоритъ, что со времени собора „для всѣхъ стало очевиднымъ, чѣмъ отличается истина православія отъ ереси монофизитской, которая также выдавала себя за истину (Лѣб. ч. 2. с. 1). Нужно сказать, что еп. Іоаннъ только констатируетъ фактъ наступившихъ волненій и въ дальнѣйшія объясненія не входитъ. Въ изложеніи лишь исторіи 5-го вселенскаго собора, онъ мелькомъ говоритъ, что нареканія на Халкидонскій соборъ раздавались среди „считавшихъ себя православными“, вслѣдствіе неосужденія 3 главъ (с. 244). Нѣсколько иначе смотрятъ на дѣло остальные наши авторы.

Проф. Терновскій видитъ причину въ томъ, что „сепаративныя стремленія, наиболѣе сильныя на окраинахъ имперіи и имѣвшія основу въ національности, сообразно духу времени, силились найти себѣ выраженіе и оправданіе въ догматическомъ разногласіи (с. 180, 248, 294, Андр. К—іе патр. с. 231. Кург. с. 178, 192—3, 209). На этой почвѣ

находили себѣ выраженіе и страсти человѣческія, усугублявшія борьбу и ожесточавшія противныя стороны (Леб. с. 8, Кург. с. 213, 534). Конечно это такъ. Но все таки, Халкидонскій соборъ и его вѣроопредѣленіе было не политическимъ актомъ и не противъ лишь дурныхъ сторонъ человѣческаго духа направлялись, а были дѣломъ вполне религіознымъ. Поэтому важно бы указать и на догматическія основы непризнаванія соборнаго авторитета. Вотъ въ данномъ отношеніи удовлетворительнаго отвѣта намъ не удастся услышать. Правда, и проф. Лебедевъ, и проф. Терновскій указываютъ, что упрекали монофизиты православныхъ въ искаженіи вѣры, въ несторіанствѣ (Л. ч. 2. с. 6, 8; Терн. 295). Но это такъ обще, что мало понятно. Не разъясняютъ въ сущности и ссылка на то, что на Халкидонскомъ соборѣ не были осуждены: Θεодоръ, Θεодоритъ и Ива, такъ какъ вопросъ о нихъ поднимается только при Юстиніанѣ и, видимо, или незадолго, или даже съ диспута во дворцѣ (Леб. с. 17, Кург. 545). Значить, остается довольствоваться выраженіемъ такого рода, что „догматическая черта, отдѣлявшая монофизитовъ отъ православія, была не совсѣмъ ясна даже для записныхъ богослововъ той и другой стороны (Терн. с. 294).

Что касается до значенія Халкидонскаго собора, то его разностороннюю важность констатируетъ проф. Лебедевъ. 1) Важенъ соборъ въ догматическомъ отношеніи, такъ какъ на немъ составлено вѣроопредѣленіе, въ которомъ, насколько возможно, рѣшено и разъяснено ученіе о Лицѣ Богочеловѣка (с. 277),—вѣроопредѣленіе, которое служило точкой отправления при рѣшеніяхъ спорныхъ вопросовъ на послѣдующихъ соборахъ (с. 278). Это, замѣтимъ, съ положительной стороны. Съ отрицательной, соборъ, какъ говоритъ проф. Терновскій, съ непререкаемою очевидностью доказалъ своею формулою о соединеніи во Христѣ естество—всю бесплодность христологическихъ споровъ; формулою, которая говоритъ только вѣрѣ и памяти, но не разумѣнію человѣческому (156). 2) Важенъ соборъ, какъ утвердившій авторитетъ Константинопольскаго символа, о чемъ мы уже говорили. 3) Обращаетъ наше вниманіе соборъ и тѣмъ, что поддержалъ и утвердилъ въ церкви авторитетъ извѣстной уніи

(с. 280) и вслѣдствіе чего уничтожилось предубѣжденіе, какое имѣли писатели одного богословскаго направленія къ писателямъ другого. Въ этомъ отношеніи соборъ самъ показалъ примѣръ (с. 281—2). 4) Халкидонскій соборъ важенъ еще въ томъ отношеніи, что своимъ опредѣленіемъ показалъ, какъ онъ относится къ авторитету папъ, какъ волю собора ставить выше папскихъ притязаній (с. 283). 5) Мы нарочито отнесли къ концу констатированія того значенія, какое у проф. Лебедева поставлено первымъ. И это потому, что въ немъ видно отношеніе идей собора, къ идеямъ, господствовавшимъ и въ частно-общественной жизни цѣлаго столѣтія: съ эпохи Константинопольскаго собора. Вслѣдствіе этого выступить предъ нами и значеніе предшествующихъ соборовъ, указать на которое мы обѣщали.

Почти столѣтній періодъ времени отъ смерти имп. Юліана и до смерти имп. Маркіана—это золотой вѣкъ церковной литературы. Надъ поверхностью обыденной языческо-христіанской жизни возвышаются великіе отцы и учителя церкви. Въ соотвѣтствіе потребностямъ времени, они „а) пересматриваютъ и оцѣниваютъ съ христіанской точки зрѣнія все, оставшееся отъ древняго міра, наслѣдіе античной образованности; б) истолковываютъ источники христіанскаго ученія, при помощи научныхъ приемовъ и средствъ, даваемыхъ тою образованностью, на уровнѣ которой они стояли“ (Терн. с. 183—4). Мало того, они „дѣлали опытъ группированія и систематизированія“ текстовъ Священнаго Писанія для оправданія извѣстныхъ догматовъ, представлявшихъ собою отвѣтъ на вопросы современной религіозной мысли (с. 205); отвѣчали также и на жгучіе вопросы, связанные, какъ съ самымъ существованіемъ иночества, такъ и съ усовершеніемъ всѣхъ сторонъ монашеской жизни (с. 207—220. Все это приводило къ тому, что отцы становились авторитетами, съ точки зрѣнія которыхъ безапелляціонно рѣшались тѣ или другіе вопросы. Отсюда-то и открывается, что, какъ предшествующіе соборы, такъ и Халкидонскій отвѣчали на извѣстное общее теченіе—его утверженіемъ; своими дѣйствіями указали, что можетъ входить, какъ составной элементъ, въ Свящ. Преданіе и что нѣтъ. Но и это не все. Въ дѣятельности предшествующихъ соборовъ,

говорить Лебедевъ, какъ и среди писателей (Терн. 206), слышится или вѣяніе школы александрійской, или школы антиохійской, соотвѣтствующимъ рѣшеніемъ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ разума и вѣры. И только на Халкидонскомъ соборѣ спорный вопросъ рѣшается съ полной опредѣленностью (с. 270). Права мысли человѣческой на разъясненіе догматовъ не только не устраняются, но и подтверждаются (с. 273).

Въ заключеніи рѣчи о соборѣ необходимо удѣлить нѣсколько словъ возраженіямъ, дѣлаемымъ противъ утвержденія Лебедевымъ выдающійся важности 4 вселенскаго собора, именно проф. Бѣляева (Чт. въ общ. люб. дух. просв. 1879. т. 3. с. 582—594). Сущность этихъ возраженій въ томъ, что авторомъ „сборовъ“ значеніе Халкидонскаго „преувеличено, какъ въ сравненіи съ прочими соборами, такъ и безотносительно къ нимъ—въ отношеніи богословской наукѣ вообще“. Нельзя не согласиться, что такое впечатлѣніе способно получиться, какое и у указаннаго оппонента нашего автора. Но гдѣ дана фактическая почва у проф. Лебедева, для того, чтобы путемъ сравненія можно было бы вывести заключеніе, или о преувеличеніи, или объ умаленіи значенія того или другого собора? Гдѣ фактическая почва, именно, въ томъ, чтобы, пользуясь ею, можно было, такъ сказать, въ рядъ поставить указываемыя значенія соборовъ и дѣлать выводы?.. Таковой, въ сущности, нѣтъ, если не считать мимолетныхъ замѣчаній, или, если не держаться довольно опаснаго способа—читать между строками. Поэтому, позволяемъ себѣ думать, возраженія собственно должны быть направлены не противъ указываемаго значенія 4-го вселенскаго собора, такъ какъ едва ли можно сказать, что всегда „писатели диссертаций преувеличиваютъ значеніе предмета послѣднихъ“ (с. 584), а вотъ на что. Если нашъ авторъ предпринялъ на себя трудъ „обзора догматической дѣятельности извѣстныхъ соборовъ въ связи съ направлениемъ школъ александрійской и антиохійской“—и первые три собора не сопровождалъ соотвѣтствующимъ спеціальнымъ указаніемъ на значеніе каждаго изъ нихъ, а ограничился констатированіемъ такового лишь въ отношеніи къ 4-му, то, по нашему мнѣнію, должно бы что-либо

одно соответствовать задачѣ нашего автора. Либо слѣдовало сопровождать каждый соборъ указаніемъ на его значеніе; либо и 4-й заключить чѣмънибудь инымъ, относящимся вообще къ идеѣ самой книги, а не пространнымъ разъясненіемъ выдающагося его значенія. И тогда естественно отношеніе одного собора къ другому, или понималось въ такомъ смыслѣ, въ какомъ способенъ воспринять читатель, или, при помощи автора, можно бы видѣть то, что есть въ дѣйствительности, а не то, что только чувствуется.

Свящ. В. Платоновъ.

(Окончаніе будетъ).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(Историко-критическій очеркъ).

(Продолженіе) *).

Глава 5. Пятый вселенскій соборъ.

1. Причина созыва собора.

Спорный предметъ, который послужилъ церковною причиною настоящаго собора, по единогласному утверженію нашихъ авторовъ, заключался въ вопросъ: какъ должна относиться церковь къ тѣмъ писателямъ, которые по своимъ воззрѣніямъ и дѣятельности давали: 1) монофизитамъ поводъ къ нареканію на православную церковь, будто она сочувственно относится къ несторіанству; а, 2), несторіанамъ, еще многочисленнымъ въ имперіи, *матеріаль* для изученія и распространенія своей ереси.

Эти писатели: Θεодоръ, еп. Мопсуестскій, Θεодоритъ, еп. Кирскій и Ива, еп. Эдесскій. Вопросъ о нихъ тѣмъ болѣе требовалъ разрѣшенія, что ни на 3-емъ, ни на 4-мъ вселенскихъ соборахъ, имѣвшихъ полную возможность, такъ или иначе отнестись къ этимъ 3-мъ главамъ, нужнаго отношенія установлено не было. Еп. Іоаннъ присоединяетъ сюда еще и указаніе на лжеученіе Оригена, какъ на другой спорный вопросъ, въ это время волновавшій значительную часть общества и требовавшій соборнаго рѣшенія. Но если и были для собора побужденія внутреннія, чисто церковныя, то ими однако нельзя исчерпать всего вопроса о „причинѣ“ 5-го вселенскаго собора. Мы уже имѣли случай замѣтить, что вопросъ о 3 главахъ не кардинальный вопросъ, изъ за

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 14 за 1912 годъ.

котораго монофизиты надолго отказались признать авторитетъ 4-го вселенскаго собора, а, какъ говорить профессоръ Терновскій, „такое нареканіе было только однимъ изъ многочисленныхъ предлоговъ“, которыми монофизиты оправдывали свое рѣшительное нежеланіе имѣть общеніе съ православною церковью“ (с. 295).

Вотъ почему понятно, что въ своей рѣчи предъ защитой диссертациі, о вселенскихъ соборахъ 4 и 5 вв. проф. Лебедевъ точнѣе и ярче, чѣмъ здѣсь подчеркивается, что со времени 5 вселенскаго собора споры возникаютъ исключительно по внѣшнимъ причинамъ, вслѣдствіе стремленія государственной власти управлять дѣлами церкви. Они возникали не изъ потребностей ея самой, а изъ потребностей государственныхъ (Предисл. с. 9). Не только потому императорская власть вмѣшивается, что принимаетъ „близко къ сердцу предметы споровъ“ (еп. Іоан. с. 246). Напротивъ, забота императора воссоединить монофизитовъ съ церковью, чтобы на единствѣ религіозномъ основать единство и прочность гражданскую, въ которыхъ нуждалось государство, порождаетъ споры и является внѣшней причиной собора (Лѣб. с. 16, Іоан. с. 247. Терн. с. 294)

Не внутренняя церковная потребность, собственно вызвала соборъ—это видно изъ того, что императоръ Юстиніанъ предполагалъ сначала покончить дѣло въ сущности однимъ обширнымъ богословскимъ сочиненіемъ, въ которомъ бы было опровергнуто монофизитство и лишь потомъ склонился на сторону созыва собора. Относительно же побужденій, которыя руководили императоромъ въ дѣлахъ церковныхъ, то они вытекали изъ системы „домостроительства“, теоріи цезаре-папизма, каковая достигла полного развитія и выраженія въ вѣкъ Юстиніана, хотя и практически находила себѣ осуществленіе еще во времена 2 вселенскаго собора. По этой теоріи царь можетъ 1) покровительствовать церкви; 2) регулировать ея бытъ и 3) устанавливать вѣроисповѣдное единство между подданными (Терн. 283). И вотъ, въ силу этого своего „права“ Юстиніанъ издаетъ указъ съ осужденіемъ 3 главъ, вызвавшій сильные споры въ церкви за и противъ осужденныхъ писателей: споры потребовавшіе въ концѣ-концовъ „замѣненіе единоличнаго“ третейскаго судьи въ лицѣ императора—цѣлымъ соборомъ. Зрителями

остались только монофизиты (Терн. с. 296) и не обнаруживали готовности идти на встрѣчу православнымъ.

И такъ, главнѣйшими причинами собора были: съ внѣшней стороны—политическіе планы оставить окраины, населенныя монофизитами въ единствѣ съ Византійской имперіей, а съ внутренней—одно изъ монофизитскихъ нареканій на православіе, вопросъ о трехъ главахъ, куда присоединился еще вопросъ объ Оригенѣ.

2. Самый соборъ.

а) Составъ собора и участіе свѣтской власти.

Намъ нѣтъ, конечно, надобности пересказывать со словъ нашихъ авторовъ исторію спора, поднятаго указомъ Юстиніана относительно 3 главъ. Достаточно лишь указать на то, что патріархи восточные, послѣ недолгаго колебанія, дали свои подписи, такъ какъ „право царской власти вмѣшиваться въ догматическіе споры закрѣплено было на востокѣ долговременною практикою“ (Терн. с. 298). Но на западѣ императоръ встрѣтилъ сильную оппозицію, которую не могли сломить до конца: ни религіозный указъ Юстиніана, имѣвшій цѣлью опровергнуть доводы защитниковъ 3 главъ, ни вызовъ въ Константинополь римскаго папы, на первыхъ порахъ ревностнаго защитника 3 главъ, а потомъ колеблющагося. Подобное положеніе и отношеніе епископовъ къ спорному вопросу, естественно, привело къ тому, что въ составъ собора входили почти исключительно епископы востока. Западныхъ было очень немного: большинство же съ папою во главѣ, такъ или иначе, отказались отъ присутствованія.

Намъ думается, что напрасно наши авторы не подчеркиваютъ и не удѣляютъ вниманія тому обстоятельству, что на соборѣ не было монофизитовъ. Такое отсутствіе, или, по крайней мѣрѣ, равнодушіе еретиковъ есть интересная черта собора. Значить, не у всѣхъ сознавалась нужда въ соборѣ, не всѣ придавали ему важное значеніе.

Что касается до участія въ соборѣ императорской власти, то уже изъ обозрѣнія причинъ самаго собора открывается ея руководящее значеніе. То же и во время и послѣ собора. Императоръ даетъ своимъ указомъ программу—которою и руководствуются члены собора. Императоръ при-

даетъ обязательную силу соборнымъ опредѣленіямъ и подвергаетъ ссылки епископовъ, до римскаго папы включительно, не согласившихся на осужденіе 3 главъ (Терн. с. 300).

б) Дѣятельность соборная.

Если указъ императора былъ программой для собора, то естественно, что первымъ долгомъ, по прочтеніи указа, отцы собора занялись изученіемъ матеріала, касающагося личности Θεодора. Прочитавъ ого сочиненіе и обративъ свое вниманіе на другія историческія свидѣтельства, въ которыхъ выразился голосъ церкви по поводу Θεодора,—соборъ осудилъ „сокровища нечестія“ ег. Моисеустскаго и произнесъ на его сочиненія и лицо анаѣему. Вмѣстѣ съ тѣмъ разбираются и опровергаются доводы въ защиту Θεодора. Такимъ же порядкомъ соборъ шелъ и при рѣшеніи вопроса о Θεодоритѣ и Ивѣ, осудивъ въ концѣ-концовъ ихъ извѣстныя сочиненія, но не лица. По окончаніи дѣла о 3 главахъ, разобрано и осуждено ученіе Оригена и оригенистовъ, не согласное съ православной догматикой (Іоан. с. 260. Терн. с. 300).

3. Авторитетъ и значеніе собора.

Не сразу пятый соборъ признанъ въ достоинствѣ вселенскаго. Если монофизиты не принимали никакого участія, ни въ спорахъ до собора, ни въ дѣятельности соборной, то они понятно и не признали его. Напротивъ, они даже постарались „закрѣпить существующее разъединеніе“ (Терн. с. 301) между ними и православною церковью—избраніемъ себѣ особаго патріарха. И самъ императоръ въ послѣдніе годы своего царствованія перешелъ на сторону монофизитовъ и хотѣлъ узаконить для церкви новое ученіе—о нетлѣнности тѣла Христова (Терн. с. 301). Такимъ своимъ поступкомъ онъ, конечно, такъ или иначе отрицалъ авторитетъ 5 вселенскаго собора. Понятно, что и на Западѣ, гдѣ ревностно были защищаемы 3 главы, не скоро признанъ былъ Константинопольскій 2 соборъ—вселенскимъ. Впрочемъ, противниками собора выступаютъ собственно не папы. Они, наоборотъ, являются популяризаторами соборнаго опредѣленія, начиная съ самого Вигилія. Вслѣдствіе этого, въ концѣ 6 вѣка, авторитетъ 5 вселенскаго собора послѣ папы Григорія

Великаго непререкаемо утверждается во всей церкви (Лѣб. ч. 2, с. 77—8).

О значеніи собора никто изъ нашихъ авторовъ не говорить. Но, пользуясь ихъ разсказами, какъ матеріаломъ, не трудно вывести, что роль и значеніе нашего собора не особенно велики. Догматическаго значенія онъ не имѣлъ. Члены собора руководились и проводили, въ сущности, взгляды императоровъ. На соборѣ они разрѣшили лишь одно или два спорныхъ недоумѣнія современной жизни. Что же касается до отношенія его къ внутреннему состоянію современнаго общества, то объ этомъ можно заключить по даннымъ, имѣющимся у проф. Терновскаго. Вѣкъ 5 вселенскаго собора, по нему, вѣкъ почти всесторонняго упадка. Церковная литература безплодна (с. 323), потому что затѣнена всевозможными авторитетами, до догматическихъ указовъ императора включительно (с. 324). Ей недостаетъ двухъ важныхъ условій для благотворнаго вліянія: свободы и правды (с. 336). На мѣсто прежнихъ доказательствъ отъ разума и Свящ. Писанія выступаютъ фантастическіе разсказы разнаго характера по догматическимъ и эсхатологическимъ вопросамъ, имѣвшіе цѣлью—поднять нравственную жизнь современныхъ монаховъ и мірянъ, у которыхъ властвуетъ теперь преимущественно слабость человѣческая. Поэтому то и стали преобладать во всѣхъ доказательствахъ яркія краски вѣчныхъ мученій (с. 333). Развивается только церковное право; лишь блѣдныя и безкровныя юридическія нормы, выступаютъ на мѣсто живыхъ носителей христіанскаго идеала (с. 342)...

Не трудно видѣть, что такое состояніе эпохи отразилось и на соборѣ. Среди его членовъ мы не видимъ ни одного выдающагося церковнаго писателя. Духъ свободы и правды царствовалъ очень не долго послѣ изданія извѣстнаго императорскаго указа о 3 главахъ; на его мѣсто воцарилось полное подчиненіе императору. О герояхъ религіозной жизни на соборѣ свидѣтельства не встрѣчаемъ.

Напротивъ, „пригнетенное и запуганное міросозерцаніе эпохи“ картинами адскихъ мученій воплощается въ подчеркиваемомъ постановленіи собора о вѣчности этихъ мученій и въ анаематствованіи умершихъ писателей. Словомъ, они, какъ и все современное общество, думали, что можно ско-

рѣе быть добродѣтельнымъ—путемъ „страха и мзды“, но не „любви“.

Глава 6. Шестой вселенскій соборъ.

1. Причина созыва собора.

Причину созыва 6-го вселенскаго собора наши писатели видятъ въ *моноелитствѣ*, сущность котораго заключается въ признаніи во Христвѣ 2 естество и одной воли, одного богомужнаго дѣйствія (Іоаннъ с. 281—2; Терн. 347, 369; Леб. т. 2. 79—80). Всѣ они поставляютъ моноелитство въ генетическую связь съ монофизитствомъ (Іоаннъ с. 281, Терн. 374, Леб. 79). Но если у ев. Іоанна этимъ лишь указаніемъ дѣло исчерпывается: то у проф. Лебедева находимъ сообщеніе еще того, что переходъ этотъ совершился вполнѣ естественно. Возникшая ересь есть только новый видъ развитія прежней ереси ¹⁾. А такъ какъ однимъ естественнымъ переходомъ объяснить невозможно распространенія сильныхъ моноелитскихъ волненій, то проф. Лебедевъ указываетъ кратко и на роль имп. Ираклія, подлившаго масла въ огонь своимъ желаніемъ на единствѣ религіозномъ основать единство политическое. Эта роль преимущественно раскрывается проф. Терновскимъ, который въ лицѣ императора видитъ перваго оффиціального провозгласителя моноелитства (374); перваго же, кто выработалъ моноелитское ученіе, указываетъ въ лицѣ Севера (прим. на 325). Такимъ образомъ, предметъ споровъ былъ данъ и въ нихъ принимаютъ участіе всѣ выдающіяся лица того времени. Издаваемые указы отъ лица императоровъ такого или иного содержания, съ призывомъ молчать о спорномъ вопросѣ, преслѣдованія православныхъ,—не въ силахъ были остановить начавшагося движенія. „Всѣ дѣла церкви перепутались“. Благоразуміе, по словамъ Лебедева, требовало оставить мѣры свѣтскія, которыми хотѣли достигнуть единенія церковнаго, и, чтобы умиротворить церковь, обратиться къ самой церкви (с. 104). Еп. Іоаннъ съ своей стороны разъясняетъ: „уже при Константинѣ Погонатѣ начинается очищаться атмосфера зараженная еретичествомъ. Императоръ, не придавая значе-

¹⁾ „Естественный отпрыскъ монофизитства“, по воззрѣнію одного англійскаго журнала Христ. чт. 1897. Сент., стр. 293.

нія отдѣльнымъ попыткамъ, разъясненіямъ и лицамъ, пришелъ къ мысли о созваніи вселенскаго собора“ (286).

Быть можетъ, вѣрно и то, и другое. Но намъ думается, что въ первую голову должно быть поставлено объясненіе проф. Терновскаго (с. 389). Не для кого, утверждаетъ онъ, стало дѣлать уступокъ и компромиссовъ, такъ какъ восточныя части имперіи были уже подъ властью магометанъ. Напротивъ, нужда настояла въ томъ, чтобы сплотить вокругъ себя на религіозной основѣ остававшееся у Византійскаго императора почти сплошное греческое и православное населеніе. Отсюда и рѣшено было прибѣгнуть къ религіознымъ мѣрамъ.

а) Составъ собора и участіе свѣтской власти.

О составѣ собора нѣтъ возможности подробно говорить. Присутствовали на соборѣ, какъ отцы Востока, съ замѣстителями отъ кафедръ плѣненныхъ патріархатовъ, такъ и легаты Римскіе. Большинство епископовъ могутъ быть охарактеризованы именемъ „православные“: во были здѣсь и чистые моноелиты, и склонявшіеся къ моноелитству, и считавшіе излишнимъ говорить о воляхъ Христовыхъ. Что же касается до императоровъ, то онъ и теперь не оставлялъ своимъ вниманіемъ и участіемъ самаго собора: присутствуетъ на томъ или другомъ соборномъ засѣданіи, выслушиваетъ соборныя постановленія и ревностно содѣйствуетъ утвержденію вѣры, провозглашенной на вселенскомъ соборѣ.

б) Дѣятельность соборная.

Она распадается на два отдѣла: съ одной стороны, соборъ внимательно и подробно изслѣдуетъ лжеученіе еретиковъ моноелитовъ; съ другой—излагаетъ, по надлежащемъ изслѣдованіи, православное ученіе, направленное противъ заблужденія (Леб. с. 106—7). Главные моменты соборной дѣятельности слѣдующіе. Перваго отдѣла: 1) словесный диспутъ съ патріархомъ антиохійскимъ Макаріемъ и разборъ разныхъ его произведеній въ защиту моноелитства, окончившіеся осужденіемъ этого упорнаго еретика; 2) борьба съ моноелитами, стоявшими на точкѣ зрѣнія того, что излишни всякія разсужденія о воляхъ во Христѣ, точкѣ зрѣнія „типоса“ им. Констанса 2: борьба, окончившаяся присоедине-

ніемъ этой партіи къ православію; 3) борьба съ отдѣльными еретиками: сумасброднымъ монахомъ Полихроніемъ и пресвитеромъ Константиномъ, окончившаяся осужденіемъ ихъ за упорство; 4) разборъ и осужденіе моноелитскихъ сочиненій съ анаѳемой на поддѣльвателей дѣяній 5 вселенскаго собора и на самыя поддѣлки.

Второй отдѣлъ соборной дѣятельности, посвященный утвержденію православія, заключался въ составленіи вѣроопредѣленія соборнаго, подъ воздѣйствіемъ окружнаго посланія Софронія патр. Іерусалимскаго и посланія къ собору папы Агаѳона. Вѣроопредѣленіе это провозглашало двѣ воли и два дѣйствія во Христѣ въ такихъ же выраженіяхъ и въ такомъ ихъ отношеніи, какъ и на Халкидонскомъ соборѣ двойство естествъ во Христѣ при одной ипостаси.

Очеркъ о дѣятельности 6 вселенскаго собора необходимо дополнить нѣсколькими словами о 5—6 трулльскомъ соборѣ, такъ какъ онъ съ 6 вселенскимъ соборомъ находится въ тѣсной связи; и опредѣленія его считаются равными съ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ (Леб. с. 128). Причина его созыва и цѣль—пополнить догматическія опредѣленія 5—6 вселенскихъ соборовъ каноническими правилами, нужда въ которыхъ обусловливалась печальнымъ состояніемъ церковной жизни и жизни вѣрующихъ (Леб. 129, Терн. 393, 425). Здѣсь было составлено 102 правила, направленныхъ противъ двоевѣрія и суевѣрія: широко разлившихся въ Византійской имперіи (Терн. с. 421—2). Намъ нѣтъ надобности перечислять ихъ и передавать содержаніе. Укажемъ лишь, что еп. Іоанна 102 правила безъ какихъ бы то ни было оговорокъ приписаны прямо 6-му вселенскому собору.

3. Авторитетъ и значеніе собора.

Такъ какъ не было въ сущности иномыслящихъ по сравненію съ отцами 6 вселенскаго собора, при томъ составлявшихъ организованную и сильную партію: то и не отвергался авторитетъ нашего собора. Впрочемъ, еп. Іоаннъ замѣчаетъ, что въ достоинствѣ вселенскаго 6 соборъ признанъ 7-мъ. Во всякомъ же случаѣ, какъ указываетъ проф. Лебедевъ, самыя дѣянія соборныя пользовались такимъ ува-

женіемъ, что обязанность хранить ихъ принимаетъ, послѣ одного инцидента, когда соборные акты попали въ частныя руки,—самъ императоръ (Леб. с. 128). Положимъ, думается, указанный фактъ можетъ имѣть и иное, совершенно простое объясненіе: именно, цѣль запечатанія рукою императора подлинника дѣяній, состояла въ томъ, чтобы на будущее время предупредить такую же поддѣлку, съ какой пришлось имѣть дѣло 6-му вс. собору.

Что касается до вопроса о значеніи собора, то о такомъ преимущественно говорить проф. Терновскій. Соборъ въ своемъ догматическомъ изслѣдованіи изрекъ послѣднее слово по христологическому вопросу; съ этихъ поръ пресѣклись всѣ христологическіе споры, волновавшіе міръ въ теченіе слишкомъ 2 хъ столѣтій (с. 402—3). Мало того. Соборъ показалъ, что,—съ одной стороны, всякія попытки императорской власти создать политическое единство подданныхъ на основѣ религіозныхъ уступокъ и недомолвокъ такъ-же невозможны, какъ нельзя и немислимо удержать отъ отпаденія стремившихся къ тому (402). Съ другой,—показалъ, что теперь задача политической дѣятельности императоровъ стала проще, должна сосредоточиться на удовлетвореніи запросамъ однородной греческой національности. Въ частности, если нашъ соборъ разсматривать въ связи съ 5—6-мъ трульскимъ, то въ каноническихъ правилахъ послѣдняго увидимъ констатированіе тѣневой, отрицательной жизни современнаго общества со всѣхъ сторонъ (с. 422). Увидимъ, что самый соборъ реагируетъ на запросы жизни, съ цѣлью исправить ее къ лучшему и упорядочить церковную жизнь. Но нельзя не видѣть, что сами отцы были сынами своего вѣка, такъ какъ, 1) мѣры предлагаютъ, хотя и сильныя, свойственныя эпохѣ, но въ существѣ дѣла малозначущія; 2) самое проведеніе мѣръ въ жизнь должны были соединить съ значительною осторожностію, чтобы „не угасить и льна курящагося“, отчего въ правилахъ видится какая то недоговоренность (425—6).

Глава 7. Седьмой вселенскій соборъ.

1. Причина созыва собора.

По признанію нашихъ авторовъ, причиною 7-го вселенскаго собора, вообще говоря, было появленіе и распростра-

неніе новой ереси иконоборческой, которая заключалась въ отрицаніи, не только законности почитанія иконъ, но и возможности ихъ изображенія. На естественный вопросъ о томъ, не было ли у иконоборства генетической связи съ предыдущими ересями, отвѣчаетъ проф. Лебедевъ и при томъ отрицательно. Связи не было. Новая ересь оригинальна и самостоятельна. Даже православныхъ иконоборцы обвиняли въ несторіанствѣ и евтихіанствѣ (Леб. с. 133).

Что же касается до происхожденія иконоборства, то оно подготовлялось, по воззрѣнію того же Лебедева, цѣлыми вѣками (133). На ряду съ иконопочитаніемъ, еще съ 4 и 5 вв. замѣтенъ былъ элементъ иконоборства, развивавшійся и крѣпнувшій особенно подъ вліяніемъ магометанства. Такъ что нужны были только благопріятныя условія, чтобы иконоборство открылось въ грозномъ видѣ. Такой удобный моментъ и насталъ въ царствованіе Льва Исавра, на котораго могъ оказать давленіе сгруппировавшійся кружокъ иконоборцевъ (142—5), чему также способствовало стремленіе всѣхъ родоначальниковъ династій, а въ томъ числѣ и Льва, упрочить и сдѣлать популярнымъ свой домъ преобразованіями (147). Для этого были основанія въ плачевномъ положеніи государства, въ суевѣрномъ почитаніи иконъ;— основанія для признанія, будто, необходимости соотвѣтствующей реформы (146), на пользу церкви и государства (145). Конечно, такъ. Но намъ думается едва ли возможно представлять Льва „личностію способною стать орудіемъ иконоборческаго погрома“, при „хорошемъ въ то же время знаніи далеко не блестящаго внутренняго положенія государства и общества“. Если онъ сознавалъ что либо хорошо, то, пожалуй, скорѣе самъ въ томъ, по своему положенію былъ инициаторомъ и собиралъ вокругъ себя друзей, но не обратно. Вотъ почему болѣе ясно представляетъ положеніе Льва въ его отношеніи къ иконоборческой партіи проф. Терновскій. Онъ и самое происхожденіе иконоборства сводитъ къ протесту, къ реакціи противъ господствовавшаго въ то время двоевѣрія и суевѣрія къ одному изъ послѣдствій всесторонней, хотя и неудавшейся реформы (427). Мы говоримъ яснѣе и отчетливѣе потому, что проводимый имъ взглядъ на иконоборчество и взаимныя отношенія имп. Льва и иконоборческой партіи повидимому пріобрѣтаетъ все

болѣе и болѣе устойчивое положеніе. Такъ напр. смотреть на дѣло авторъ очерковъ: Германъ и Тарасій, патр. К—іе (с. 21—5, 91) ¹⁾.

Даже свящ. Преображенскій, сочиненію котораго (Геодоръ Студ. и его время) „недостаетъ многихъ качествъ, чтобы признать его изслѣдованіе научнымъ“ (Ист. Вѣстн. 1897 с. 1113), считаетъ своимъ долгомъ въ предисловіи, по отношенію ко времени Льва Исавра объявить, что въ это время предпринимается цѣлый рядъ реформъ (с. 1) ²⁾.

Послѣ этого едва ли можно въ согласіи съ ермоанномъ видѣть главную причину, породившую иконоборство, въ „ошибочномъ пониманіи иконоборцами истинной религіозности, ея свойствъ и потребностей: въ смѣшеніи истинной потребности религіознаго чувства съ служеніемъ суевѣрнымъ“. (С. 330).

Но вѣдь въ чемъ должна проявляться религіозная потребность и какъ,—это довольно трудный вопросъ.

Не секретъ, что въ разное время одна и таже, повидимому, потребность разнo и проявляется; точно также и отношеніе къ себѣ вызываетъ разное. Тѣмъ болѣе это такъ, если примемъ во вниманіе, что люди по степени своего развитія раздѣляются на совершенныхъ и несовершенныхъ; ученыхъ и не ученыхъ и т. д. Почему, конечно, нельзя установить одинаковой по значенію и способу выраженія религіозной потребности, для всѣхъ. Къ тому же невозможно и того оспаривать, что потребность вообще можетъ образоваться изъ привычки, и не имѣть себѣ основы непременно въ прирожденной психо-физической организаціи. Не будемъ ссылаться на другой примѣръ, а возьмемъ хотя бы тоже иконопочитаніе. Вѣдь нельзя отрицать того, что въ доказательствахъ его необходимости преимущественно фигурировала потребность необразованнаго класса; что было много людей, которые считали достаточнымъ имѣть иконныя изо-

¹⁾ О первомъ изъ очерковъ имѣемъ такой отзывъ: „въ научномъ отношеніи брошюра не безъ значенія“ (Истор. Вѣстн 1897 г., кн 70, с. 684).

²⁾ То же утверждаетъ указанный авторъ и въ спеціальной статьѣ о Тарасіи и 7-мъ вселенскомъ соборѣ. (Странникъ. 1892 г. т. 3. с. 185, 192).

браженія для одного только напоминанія, но не лобзать ихъ (Андр. с. 74).

Нельзя отрицать, (хотя еп. Іоан. молчитъ (что иконоборство сильно потрясло обычай иконопочитанія; что, по словамъ патр. Павла, подъ конецъ его жизни „всѣ прилежали ереси, ей слѣдовали и внимали“ (Андр. 97). Пусть это, быть можетъ, преувеличеніе; но, во всякомъ случаѣ, началось, замѣтно, водворяться представленіе религіозныхъ потребностей въ духѣ иконоборцевъ. Такъ что въ непониманіи истинной религіозной потребности видѣтъ главную причину нарожденія иконоборства, намъ думается, нѣтъ научнаго основанія. Въ ряду прочихъ причинъ, пожалуй, ее можно поставить, какъ доказательство присущаго человѣческому характеру увлеченія, при напряженномъ желаніи чего либо достигнуть. Кстати и нашъ авторъ не отрицаетъ другихъ причинъ, до суевѣрія включительно, какъ, болѣе или менѣе содѣйствовавшихъ нежданной, негаданной бурѣ въ Христовой церкви (329—330). Только выражается о нихъ слишкомъ высокопарно, полупрезрительно: нѣсколько третируетъ ихъ. И такъ иконоборство создано не вдругъ, а подготовлялось постепенно, росло подъ вліяніемъ разныхъ вспомогательныхъ условій, на ряду съ иконопочитаніемъ. Оно, возможно, и не возникло бы, если бы въ 8 столѣтіи не предприняли всесторонней реформы Византійской жизни и не вторгнулась императорская власть, пожалуй и на законныхъ основаніяхъ, по теоріи цезаре-папизма, въ дѣла церкви и исправленія религіозно-нравственной жизни. Но такъ какъ констатированіе иконоборчества, какъ причины для созванія 7 вселенскаго собора, заключаетъ въ себѣ въ сущности общее указаніе, то были и причины болѣе, такъ сказать, ближайшія.

Для того, чтобы понять ихъ, слѣлаемъ краткое обзорнѣе развитія иконоборчества, указывая конечно существенныя пункты. Левъ издаетъ два указа (Лев. 148. Терн. 440, 444), гдѣ провозглашалось полное истребленіе иконъ (Лев. 148); и которымъ предоставлялось осуществленіе указа личной инициативѣ друзей реформы (Терн. 444).¹⁾ Началось

¹⁾ Проф. Андреевъ исправляетъ и доказываетъ, что перваго эдикта не было. Царь лишь открыто высказался противъ иконъ, популяризовалъ идеи иконоборства. с. 25—6.

гоненіе; многіе получили мученическіе вѣнцы (Леб. 148—9). Проф. Терновскій ограничиваетъ степень гоненія¹⁾ наказаніемъ за оскорбленіе величества и указаніемъ на отдѣльные случаи преслѣдованія (445). Съ цѣлью доказать истинность иконопочитанія, развивается богословская литература (Леб. 151, еп. Іоаннъ. 335—57).

Но если имп. Левъ пытался дать побѣду иконоборчеству внѣшними мѣрами (ев. I. с. 357, Л. 149), то преемникъ его, имп. Константинъ 5-й, рѣшилъ подѣйствовать въ пользу иконоборства чрезъ іерарховъ, при содѣйствіи авторитета вселенскаго собора (Е. I. 357, Л. 160, Т. 452). Послѣдній открывается и составляетъ вѣроопредѣленіе, на основаніи Свящ. Писанія, Преданія и разума, направленное не только противъ иконопочитанія, но и противъ самаго усроенія иконъ (Е. I. 369, Л. 170, Т. 453). Послѣ собора имп. со всѣмъ деспотизмомъ обрушивается на иконопочитателей, особенно монаховъ; также уничтожаются и предметы почитанія (Е. I. 370—3, Л. 174—7, Т. 454).

Невольно возникаетъ вопросъ: за что преслѣдовали особенно монаховъ; какія основанія были для такой тактики у правительства? Е. Іоаннъ и проф. Лебедевъ не даютъ отвѣта: они изображаютъ лишь монаховъ, какъ страдальцевъ за истину иконопочитанія (см. тѣ же мѣста). Проф. Терновскій даетъ, въ сущности, одинъ намекъ, когда говоритъ, что монахи предавались преимущественно праздности, не употребляя силъ своихъ на такое или иное служеніе отечеству (395); что развитая набожность для духовенства вообще не была безвыгодна (426).

Только въ новѣйшемъ изслѣдованіи, у проф. Андреева находимъ, что иконопочитаніе не было главной причиной преслѣдованія монаховъ. Если бы монахи подвергались преслѣдованіямъ за иконопочитаніе, то обѣщаніе не кланяться иконамъ спасало бы ихъ отъ выхода изъ монастырей. Между тѣмъ правительство не ограничилось требованіемъ не почитать иконъ, но ставило перѣдко монахамъ дилемму въ такой формѣ: или перемѣнить одежду, или подвергнуться

¹⁾ А проф. Андреевъ доказываетъ, что въ царствованіе Льва больше собирались преслѣдовать иконопочитателей, чѣмъ преслѣдовали на дѣлѣ; что самое выраженіе Теофана о мученическихъ вѣнцахъ, можно думать. одна фраза. с. 70—1.

истязаніямъ. Самымъ главнымъ основаніемъ такой дилеммы являлось обычно указаніе на зазорную жизнь монаховъ... И къ показаніямъ Терновскаго прибавляетъ еще указаніе на двойные монастыри, какъ причину гоненія на монаховъ. Уничтоженіе же самыхъ монастырей было единичное (К—іе патр. с. 82—4).

Но вотъ во главѣ государства становится ревностная и иконопочитательница имп. Ирина. Положеніе дѣлъ направляется къ тому, чтобы возстановить иконопочитаніе, въ сущности не умершее за время преслѣдованія ¹⁾.

Но чтобы достигнуть торжества иконопочитанія, нужно было противопоставить лже-вселенскому собору—новый соборъ (I. 376, Л. 182, Т. 462). Къ этой первой ближайшей причинѣ присоединилась другая: поставленіе патріарха. Павелъ 3-й отказался отъ престола, а новый Тарасій соглашался принять санъ только подъ условіемъ созванія вселенскаго собора (I. 378, Л. 185), для пересмотра вопроса объ иконахъ, изъ за которыхъ греческая церковь анаѳематствуется римскою и другими церквами.

Въ силу этихъ то обстоятельствъ, такъ сказать, ближайшихъ причинъ, и былъ созванъ соборъ 787 года.

2. Самый соборъ.

а) Составъ собора и участіе свѣтской власти.

На соборѣ были представители отъ всѣхъ каедръ. Предсѣдательствовалъ Константинопольскій патріархъ (Л. 200) Прибыли легаты отъ папы, были представители патріарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго ²⁾, привѣзшіе по-

¹⁾ Наши авторы говорятъ, что иконопочитаніе держалось особенно, безъ сомнѣнія, среди народа (I. 374, Л. 180). Но путемъ подбора фактовъ, проф. Андреевъ поправляетъ это утверженіе такъ: „ближе къ истинѣ сказать, что народная масса, благодаря соблазнительной правительственной пропагандѣ, если и не стала на сторону иконоборцевъ, то ослабѣла и въ своей ревности къ иконопочитанію; ослабѣла настолько, чтобы не мѣшать правительству въ его борьбѣ съ монахами. Относительно, въ частности, жителей столицы и этого сказать недосагаочно и т. д. с. 77

²⁾ Проф. Андреевъ указываетъ, между прочимъ, на то, что легаты, посланные къ восточнымъ патріархамъ, не достигли до мѣста назначенія (с. 113); и Іоаннъ и Θεодоръ юридически не имѣли права называться представителями восточныхъ патріарховъ. За это, по

сланіе отъ патр. Іерусалимскаго. Присутствовали и нѣкоторые иконоборческіе епископы, принесшіе потомъ покаяніе. Проф. Терновскій добавляетъ, что въ засѣданіе собора были допущены, съ правомъ голоса, игумены и иноки, въ количествѣ 132 человекъ (С. 465). Присутствовали по обыкновению и нѣкоторые сановники.

Въ общемъ, нельзя не замѣтить, что по своимъ возрѣніямъ, члены собора дѣлились на партіи. Предсѣдатель собора—Тарасій, человекъ безпристрастный (Т. с. 464), съ большинствомъ собора, составляетъ партію примирительнаго образа мыслей. Была группа ревностныхъ почитателей иконъ, которые хотѣли подвергнуть наказанію возвращавшихся отъ иконоборства. Присутствовали, наконецъ, и приверженцы иконоборства.

Что касается до императрицы, то ея роль въ дѣлѣ утвержденія иконопочитанія велика. Не возбуждая фанатизма иконоборцевъ, она однако устроила такъ, что потерпѣвшіе гоненіе стали возвращаться; предметамъ почитанія стали воздавать честь публично.

Созванъ былъ соборъ, назначенный въ Константинополь, въ 786 году,—она принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы предположенный соборъ состоялся. Для того, чтобы истина была обсуждена со всѣхъ сторонъ, дается собору свобода разсужденій. Последнее засѣданіе собора происходитъ въ ея присутствіи. Она спрашиваетъ о томъ, свободно ли составлено вѣроопредѣленіе и на какихъ основаніяхъ отцы утвердили свою вѣру (Іоаннъ с. 451).

б) Дѣятельность соборная.

По обычаю, проф. Терновскій кратко обозрѣваетъ дѣятельность 7-го вселенскаго собора, тогда какъ на подробномъ изложеніи ея останавливаются другіе наши авторы и передаютъ ее въ общемъ вполнѣ согласно. Всѣхъ засѣданій было 8. На первомъ принимаются раскаявшіеся иконоборцы. На слѣдующихъ двухъ происходитъ чтеніе грамотъ: папы Римскаго, съ обстоятельнымъ доказательствомъ иконопочитанія; Тарасія къ Восточнымъ патріархамъ, а такъ же и привезенныхъ съ Востока. Съ четвертаго засѣданія, по седьмому показанію Феодора Студита, приводимому и Андреевымъ, не признавалъ авторитета за 7-мъ всел. соборомъ и Римъ с. 115 съ прим.

включительно, начинается чтеніе разныхъ свидѣтельствъ изъ Свящ. Писанія, твореній отцовъ, чтобы уяснить себѣ: 1) значеніе иконъ для воспитанія духа человѣческаго (Л. 197); 2) отношеніе искусства къ религіи (198); и 3) какъ понимать и въ чемъ выражать почитаніе св. иконъ (с. 198). Вмѣстѣ съ тѣмъ произносится судъ надъ иконоборствомъ, окончившійся анаѳематствованіемъ его. Разбираются шагъ за шагомъ и опровергаются: вѣроопредѣленіе собора 754 года и доводы, на которыхъ оно покоилось. Послѣ чего составляется и самое вѣроопредѣленіе 7-го вселенскаго собора о догматѣ иконопочитанія, которое и утверждается Ириною на торжественномъ засѣданіи во дворцѣ. Относительно самаго опроверженія доводовъ лже-вселенскаго собора, проф. Лебедевъ сообщаетъ интересную подробность. Именно, что это опроверженіе не чуждо было недостатковъ (с. 203). Между тѣмъ у еп^с Иоанна, вселенскаго собора замѣчанія „имѣли значеніе непререкаемое (447)“.

3. Авторитетъ и значеніе собора.

Для отвѣта на первую половину вопроса наши авторы даютъ въ общемъ мало данныхъ. Еп. Иоаннъ, напр., не считаетъ нужнымъ даже кратко, какъ иногда бывало, замѣтить о томъ, приняла ли единодушно церковь 7 вселенскій соборъ, или онъ послужилъ въ свою очередь сѣменемъ раздора на будущее время. Сообщенія проф. Лебедева и Терновскаго также не особенно значительны и касаются притомъ, одной Византійской имперіи. Только мелькомъ встрѣчается у Терновскаго констатированіе того, что авторитетъ 7 собора долго не былъ признаваемъ папою (с. 467). Поэтому на вполне естественный вопросъ:—когда и какъ во всей церкви утвердился авторитетъ вселенскаго собора; какія были внутреннія причины и основанія, поведшія къ такому утвержденію, такъ какъ впоследствии, мы уже не видимъ вселенскихъ собраній, задачей которыхъ было между прочимъ и подтвержденіе авторитета предыдущихъ—на такой вопросъ отвѣта не находимъ.

Мы видимъ лишь, что послѣ Ирины въ продолженіи нѣсколькихъ царствованій вновь высоко поднимаетъ голову иконоборство. На разныхъ соборахъ, созываемыхъ, какъ при истыхъ царяхъ-иконоборцахъ, такъ и при индифферентномъ

Михаилъ,—отвергается авторитетъ 7-го вселенскаго собора, подтверждаются опредѣленія собора при Константинѣ Копронимѣ. И лишь при импер. Феодорѣ начинается, послѣ православнаго собора 842 года, торжество иконопочитанія, торжество православія. Важно отмѣтить, что такому торжеству догмата 7 вселенскаго собора способствовало богословствованіе Св. Феодора Студита, особенно въ тѣхъ пунктахъ выясненія ученія объ иконахъ, которые оставались уязвимы и послѣ раскрытія на соборѣ 787 года въ опроверженіе постановленій собора Копронимова.

На вторую половину вопроса отвѣтъ находимъ отчасти у всѣхъ нашихъ авторовъ, когда они указываютъ на установленіе догмата объ иконопочитаніи, частію, по обыкновению, у проф. Терновскаго. Важенъ, значитъ, соборъ потому, что разрѣшилъ сомнѣніе по вопросу о догматическомъ значеніи иконопочитанія: призналъ послѣднее соответствующимъ религіозному чувству. Но важно и то, какъ говорить, проф. Терновскій, что 7 вселенскій соборъ не расположенъ былъ покровительствовать народному суевѣрію или покрывать недостатки монашества, потому что здѣсь составлены были правила противъ аномалій монашеской жизни (с. 466).

Свящ. В. Платоновъ.

(Окончаніе стѣдуетъ)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРАХЪ.

(Историко-критическій очеркъ).

(Окончаніе).

Глава 8. Общій взглядъ на труды авторовъ очерка.

Во всѣхъ предшествовавшихъ главахъ, мы могли видѣть, какъ и насколько удовлетворительно тотъ или другой изъ нашихъ авторовъ отвѣчаетъ на детальные вопросы, касающіеся исторіи вселенскихъ соборовъ; какъ и насколько освѣщаетъ тѣ стороны, изъ которыхъ составляется болѣе или менѣе общая картина этой, интересной эпохи.

Но по такимъ разрозненнымъ взглядамъ и часто перемѣшивающимся со взглядами другихъ авторовъ, составить себѣ такое или иное общее впечатлѣніе и заключеніе о томъ, что такое представляетъ изъ себя извѣстный трудъ и каково его значеніе въ дѣлѣ научнаго изложенія эпохи вселенскихъ соборовъ—довольно трудно.

Поэтому въ настоящей главѣ мы и попытаемся дать общее впечатлѣніе и заключеніе о каждомъ трудѣ, подлежавшимъ нашему очерку.

1. Еп. Іоаннъ. Исторія вселенскихъ соборовъ.

Самъ авторъ прямо и точно не говоритъ о томъ, какова его задача: съ точки зрѣнія какой руководящей идеи онъ пользовался матеріаломъ для написанія своей книги. Но, думается, едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что его произведеніе историко-апологетическаго характера. Его идей

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 15 за 1912 годъ.

—было показать истинность и превосходство православія надъ всѣми ересями и расколами;—показать, что „Промыслитель бдитъ недремлющимъ окомъ своимъ о избранныхъ своихъ“ (с. 73. 217); „что врата ада не одолѣютъ церкви (73)“.

Вотъ почему съ особенной живостью и подробностію авторъ повѣствуетъ о трудахъ православныхъ и тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ они подвергались. Вотъ почему, дѣятели православія выступаютъ предъ нами во всемъ ореолѣ своей святости, безъ какого либо недостатка. Пресвитеръ Лукіанъ, еп. Александръ, Мелетій, Григорій Богословъ, Кириллъ Александрійскій и т. д.—выступаютъ исключительно со стороны своего интеллектуального и нравственного совершенства.

Напротивъ, еретики (Арій, Несторій, Евтихій) обнаруживаютъ предъ нами все несовершенство и низменность своей человѣческой природы. Повидимому даже авторъ держится традиціоннаго взгляда, что самое ихъ міровоззрѣніе черпаетъ себѣ первооснову въ отрицательныхъ душевныхъ качествахъ (с. 19—объ Аріи; с. 114—о Несторіи; 203—9—объ Евтихіи). Этой, вѣроятно, руководящей идеей и объясняется то, что авторъ преимущественно повѣствуетъ, пользуясь историческими данными, какъ вполне опредѣленнымъ матеріаломъ. Мы не видимъ, поэтому, у автора критики тѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ можно разно писать исторію (напр. источниковъ 2 всел. собора). Мы не считаемъ немногихъ общихъ фразъ по части критики, въ которыхъ полагается небольшое начало и лишь такъ сказать предисловіе критики, но не она самая (см. с. 3, о разныхъ точкахъ зрѣнія по вопросу о происхожденіи аріанства; 23—объ источникахъ 1 вс. собора; 63—о свѣдѣніяхъ касательно дѣяній собора 2 и т. д.). Даже вопросъ о цитированіи свидѣтельствъ при такомъ положеніи дѣла у него рѣшается въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ, „они интересны для антикваріевъ (с. 3)“. Почему въ самомъ трудѣ епископа мы очень мало встрѣтимъ указаній, хотя въ печатной формѣ, во избѣжаніе недоразумѣній, обычно требуется указанія на заимствованія.

Съ точки зрѣнія указанной идеи, понятно, мы не находимъ въ книгѣ развитія и доказательствъ въ пользу извѣстнаго взгляда на происхожденіе той или иной ереси; не

видимъ подробнаго изображенія, какъ самой важной стороны, такъ повидимому трудной и скучной для слушателей, — догматической соборной дѣятельности.

Пожалуй, исключеніе представляетъ подробное описаніе дѣятельности 7 вселенскаго собора; вѣроятно потому, что почитаніе иконъ есть не только вообще интересный вопросъ, но и вполне современный; особенно тамъ, гдѣ такъ или иначе развито сектантство.

Не можетъ не обратить на себя вниманія и идеализація тѣхъ Византійскихъ императоровъ, которые видимо покровительствовали православію; (Константинъ, Θεодосій, Маркіанъ, Юстиніанъ, Ирина), какъ напротивъ осуждаются царинного образа мыслей (Θеодосій 2-й, Константинъ Копронимъ).

Эта идеализація и повела къ тому, что нашъ авторъ просматриваетъ неудачную попытку православныхъ изложить свою вѣру въ единосушію; перемѣну отношенія Константина къ никейцамъ объясняетъ интригами аріанъ, называетъ цѣлый 2-й соборъ, не согласный съ Григоріемъ Богословомъ, неразумными почитателями памяти Мелетія: безъ комментарій констатируетъ указъ Θεодосія противъ еретиковъ, тогда какъ преслѣдованіе Несторіемъ православныхъ осуждаетъ; пропускаетъ безъ вниманія „дары“, подносимые стороною Кирилла власть имущимъ; и не видитъ, противъ обыкновенія, въ посланіи папы Льва проводимой имъ идеи главенства папы...

Послѣ сказаннаго не трудно видѣть, что книга еп. Іоанна повѣствуетъ намъ, послѣ краткаго указанія на появленіе той или другой ереси, какъ обнаружилась она, какъ началась и продолжалась борьба между дѣятелями православія и еретиками до собора; какъ иногда православные подвергались различнымъ притѣсненіямъ и обидамъ со стороны опирающихся на власть еретиковъ. Но „Промыслъ Божій не дремлетъ“. Вотъ собираются епископы, разрѣшаютъ вопросъ въ соответствующемъ вѣроопредѣленіи; отвѣчаютъ даже на излишніе и отчасти неумѣстные вопросы и, послѣ утвержденія актовъ соборныхъ императоромъ, развѣзжаются по своимъ мѣстамъ.

Изъ такой общей перспективы легко видѣть, что трудъ еп. Іоанна дѣйствительно цѣненъ для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, гдѣ публика разношерстна и нельзя предпо-

лагать, что она желаетъ и стремится слышать научное изложеніе предмета. Важна въ этомъ отношеніи и религіозная настроенность автора; большое значеніе и въ томъ, что въ трудъ внесенъ въ значительной степени патристическій элементъ, малознакомый для публики. Для такого чтенія и предназначалась книга нашего автора, изд. 1896 года (Прав. Богосл. Энциклоп. т. 7, с. 158) ¹⁾. Поэтому, въ дѣлѣ составленія вполне научнаго труда „исторіи вселенскихъ соборовъ“, трудъ еп. Іоанна, пожалуй, имѣетъ значеніе лишь по столько, по сколько обнаруживается въ немъ признаковъ критическаго изученія источниковъ. Большее значеніе этотъ трудъ имѣетъ, когда сопоставить его съ трудами другихъ авторовъ, подлежащихъ нашему очерку. У этихъ послѣднихъ нѣтъ подробной внѣшней исторіи соборовъ нѣкоторыхъ. Такъ что трудъ еп. Іоанна можетъ внести кое-какія дополненія. Напр. изложеніемъ первыхъ стадій развитія аріанства; описаніемъ 3-го вселенскаго собора и злостраданій православной партіи.

Что же касается до соотвѣтствія между содержаніемъ книги и ея заглавіемъ, то, конечно, нужно сказать, что оно сообщено или по недоразумѣнію, или употреблено въ самомъ широкомъ и обширномъ смыслѣ.

2. Проф. Терновскій. Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ.

Въ своемъ произведеніи авторъ самъ говоритъ о принятой имъ задачѣ: „наше вниманіе, пишетъ онъ, въ настоящемъ трудѣ почти исключительно сосредоточивается на судьбахъ греко-восточной церкви и при томъ въ предѣлахъ византійской имперіи (с. I, 402)“.

Задача, въ сущности, очень широка и многообъемлюща. Но изъ содержанія книги не трудно заключить, что эту обширную задачу онъ ограничиваетъ тѣмъ, что вычеркиваетъ изъ числа своихъ обязанностей-изслѣдованіе догматическихъ движеній. И, напротивъ, останавливаетъ полное свое вни-

¹⁾ Это конечно не исключаетъ, быть можетъ, большой научности изданія первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ въ 1870—1 гг.; того изданія, котораго мы, къ сожалѣнію, не могли имѣть подъ руками

маніе на политическо-церковной сторонѣ тогдашней жизни. Конечно, потому, что въ византійскомъ обществѣ политическая жизнь и церковная шли рука объ руку (Приб. къ твор. СВ. отц. с. 654).

Вотъ почему онъ описываетъ подробно жизнь и дѣятельность византійскихъ императоровъ и ихъ отношеніе къ жизни церковной. Для этого у него существуютъ цѣлыя рубрики. Вотъ почему авторъ останавливается надъ изображеніемъ внутренней жизни современнаго общества: на тѣхъ идеяхъ, которыми оно было одушевлено: на тѣхъ опытахъ, къ которымъ оно прибѣгло; на тѣхъ результатахъ и упадкѣ, къ которымъ приходило. Для этого у него опять существуютъ спеціальныя рубрики, гдѣ онъ, по словамъ проф. Лебедева, „нѣсколько неудачно останавливается на тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ сильнѣе чувствуется биеніе пульса общецерковной жизни“ (Приб. с. 61—2).

Вотъ почему, исключая изъ своей задачи обзорнѣе догматическихъ движеній, онъ вообще мало удѣляетъ вниманія собственно вселенскимъ соборамъ: причинамъ, породившимъ соборы, самой соборной дѣятельности и т. д.

Есть даже соборы, о которыхъ онъ почти только упоминаетъ.

Но это, впрочемъ, не значитъ, что трудъ нашего автора не имѣетъ научнаго значенія; что его можно читать ради любопытства, или потому лишь, что онъ „имѣетъ для насъ русскихъ двойной интересъ своими параллелями“ (Ист. Вѣсти. 1883. т. II 462) Напротивъ, подробное описаніе жизни и дѣятельности императоровъ даетъ намъ возможность прослѣдить, какими принципами тѣ руководились, когда вмѣшивались въ церковныя дѣла; на сколько вѣрны оставались они своимъ принципамъ; къ какимъ результатамъ подобное вмѣшательство приводило; какъ относилась къ такому участию церковь и т. д..

По матеріалу, содержащемуся въ рубрикахъ „внутренняго состоянія церкви“, мы можемъ составить себѣ представленіе о томъ, какія, господствовавшія въ извѣстное время идеи, находили себѣ отраженіе и на тѣхъ или другихъ соборныхъ дѣянiachъ. Какъ авторитеты, на которые опирались въ жизни, находили себѣ признаніе и на соборѣ. Какъ высокій уровень религиозно-нравственной жизни, или

упадка нравовъ отражался и въ членахъ собора, этихъ то же сынахъ своего вѣка...

Словомъ, по книгѣ проф. Терновскаго мы можемъ познакомиться, такъ сказать, съ закулисной стороною казовой соборной дѣйствительности, поскольку внутреннее состояніе эпохи въ такой или иной степени, или подготовляло соборъ, или вліяло на него. Какъ на пріемъ безпристрастія автора, должно указать на то, что для своей цѣли онъ въ значительной степени пользуется, кромѣ чисто церковныхъ историковъ, и выдающимися трудами свѣтскихъ. Подобный новый пріемъ послужилъ къ тому, что жизнь и дѣятельность общества такой или другой эпохи (напр. періодъ иконоборства) выступаетъ у него не въ такомъ одностороннемъ освѣщеніи, какъ обычно. Эту своего рода заслугу признаетъ за нашимъ авторомъ и критикъ—проф. Лебедевъ (Приб. къ твор. 1883. 31. 663).

Все сказанное естественно приводитъ къ мысли, что въ качествѣ пособія и научнаго изученія эпохи вселенскихъ соборовъ, сочиненіе проф. Терновскаго имѣетъ значеніе; „заслуживаетъ полнаго вниманія (тамъ же с. 674)“. Въ другое время почему-то тотъ же критикъ (Богос. Вѣстн. 1907. Іюнь. 423) выносить приговоръ о той же книгѣ, какъ „не очень-то интересной“. Почему такая перемѣна во взглядѣ неизвѣстно. Между тѣмъ самыя страданія за книгу этого „страстотерпца“ должны привлекать значительную долю вниманія. Что касается до недостатковъ книги, то о нихъ подробно говорить все тотъ же проф. Лебедевъ. Намъ нѣтъ надобности ихъ перечислять, такъ какъ 1) они сосредоточиваются преимущественно вокругъ вопросовъ и лицъ, относящихся къ догматическимъ спорамъ эпохи, что не составляло спеціальнаго изслѣдованія нашего автора; 2) по мѣрѣ надобности были уже затронуты.

3. Проф. Лебедевъ. Исторія вселенскихъ соборовъ. 2 ч.

Трудъ проф. Лебедева не по внѣшнему лишь виду раздѣляется на двѣ части. Но и съ внутренней стороны разность обуславливается нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ руководящей задачи нашего автора.

Вездѣ онъ ставитъ своею цѣлью—обозрѣніе догматической дѣятельности соборовъ. Но въ первой части этотъ об-

зорь обусловливается еще болѣе важной стороною той же задачи. Именно, догматическая дѣятельность разсматривается въ ея такомъ или иномъ генетическомъ отношеніи къ двумъ богословскимъ тогдашнимъ теченіямъ, созданнымъ александрійской и антїохійской школами.

Вотъ почему въ первой части нашъ авторъ, кромѣ указанія на догматическіе вопросы, которые породили споры и вызвали къ жизни самые соборы; кромѣ этого указанія останавливается и на выясненіи самаго происхожденія этихъ вопросовъ; при томъ не иначе, какъ въ связи съ направлениемъ школъ александрійской и антїохійской.

Вотъ почему развитіе той или иной борьбы, распределение мѣстъ до соборнаго рѣшенія и послѣ за или противъ какой нибудь ереси: группировка членовъ на соборахъ; самая догматическая дѣятельность послѣднихъ: все это разсматривается подъ угломъ зрѣнія особенностей въ направленіяхъ и воззрѣніяхъ современныхъ двухъ школъ. Отсюда понятно, что въ своемъ трудѣ „авторъ не столько повѣствуетъ и рассказываетъ, сколько изслѣдуетъ и разсуждаетъ: подвергаетъ критической оцѣнкѣ источники, изъ которыхъ заимствуются свѣдѣнія о соборахъ, при чемъ нерѣдко не соглашается съ установившимися воззрѣніями“ (Цер. Вѣстн. 1879 № 10, не офф. ч. с. 10).

Вотъ почему, во второй части, благодаря полному единству основной мысли, авторъ подробно останавливается надъ выясненіемъ догматическихъ причинъ соборовъ; надъ выясненіемъ возможности борьбы за извѣстные вопросы; надъ описаніемъ самой догматической работы на соборахъ и надъ указаніемъ послѣдствій соборнаго рѣшенія въ жизни церковной.

Отсюда естественно, что здѣсь авторъ болѣе повѣствуетъ и рассказываетъ, нежели изслѣдуетъ и критикуетъ. Тѣмъ болѣе это такъ, что въ основѣ его работы преимущественно лежали соборныя дѣянія, на которыя онъ цѣликомъ и указывалъ какъ на матеріаль для изображенія того или другого собора (с. 14. 79, 133).

Изъ сказаннаго, а особенно, если сопоставимъ этотъ трудъ съ произведеніями разсмотрѣнныхъ уже нами авторовъ, видно, что проф. Лебедевъ изслѣдуетъ самую важную и трудную сторону исторіи вселенскихъ соборовъ. И уже то

обстоятельство, что въ этомъ отношеніи онъ достигъ „значительныхъ результатовъ“, преимущественно въ первой своей части; показалъ болѣе критическаго отношенія къ источникамъ во второй,—выходить, что его трудъ имѣетъ цѣнное значеніе при изученіи исторіи вселенскихъ соборовъ. Этому нисколько не мѣшаютъ и тѣ, въ общемъ, мало значущіе недостатки, которыхъ мы касались раньше.

Впрочемъ, въ добавленіе къ послѣднимъ, намъ думается, полный смыслъ можетъ имѣть упрекъ автора въ томъ, что онъ во второй части: 1) не далъ совсѣмъ мѣста взглядамъ на то или другое событіе изъ церковной исторіи—свѣтскимъ авторамъ; а 2) не сдѣлалъ соответствующаго заключенія, какъ о ихъ компетентности въ рѣшеніи вопросовъ церковныхъ, такъ и о проводимыхъ тѣми взглядахъ на церковныя дѣла. Правда въ критической статьѣ на извѣстную намъ книгу проф. Терновскаго онъ признаетъ за свѣтскими писателями нѣкоторую долю значенія, но въ тоже время отрицаетъ авторитетъ за Папарригопуло по вопросамъ церковно-историческимъ (Прибав. къ твор. 1883. ч. 673). А на какихъ основаніяхъ критикъ это дѣлаетъ, неизвѣстно¹⁾.

По крайней мѣрѣ и въ 3-емъ изданіи книги проф. Лебедева мы встрѣчаемъ ничтожныя вставки, но не такія, по нашему мнѣнію, болѣе важныя измѣненія, какія вызываются наличностью и содержаніемъ выдающихся нецерковныхъ источниковъ.

Послѣ всего сказаннаго не трудно видѣть, что въ отношеніи къ заглавію книги нашего автора требуется оговорка. Именно, самое сочиненіе проф. Лебедева представляетъ не полную исторію вселенскихъ соборовъ, а только рядъ „этюдовъ“ этой исторіи, по его собственному выраженію.

Итакъ, рассмотрѣніе трудовъ извѣстныхъ авторовъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что одна и та же эпоха изслѣдуется ими и описывается съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. Если ихъ поставить рядомъ, то выведемъ, что про-

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности познакомиться съ специальной критической статьей о трудѣ Папарригопуло принадлежащей перу университетскаго профессора и помѣщенной въ Кіев. Универ. Извѣст.

изведеніе одного можно дополнять для большей цѣльности и полноты данными другого. Однако получится ли изъ этого дополненія полная картина эпохи,—пожалуй еще вопросъ.

Во всякомъ случаѣ, въ отношеніи къ трудамъ всѣхъ авторовъ, думается законно поставить слѣдующій естественный вопросъ. Подъ какимъ угломъ зрѣнія должно смотрѣть вообще на вселенскіе соборы: 1) съ исторической точки зрѣнія, какъ на фактъ извѣстнаго времени; 2) съ догматической, какъ на органъ установленія и формулированія совокупности догматовъ? Иными словами: 1) отвѣчаютъ ли на вопросъ, какой смыслъ должно соединять съ понятіемъ „вселенскіе соборы“: каково ихъ происхожденіе, юрисдикція и т. д.? 2) отвѣчаютъ ли на то, какъ смотрѣть на эту установку догматовъ въ отношеніи къ главнѣйшему источнику вѣрученія, Свящ. Писанію; и всѣ ли догматы, потребные для спасенія, формулированы?

Если проф. Лебедевъ въ другомъ своемъ трудѣ (Дух. древн. всел. церк. с. 244—7) отвѣчаетъ на первую половину вопроса, то остальные авторы не даютъ общаго взгляда на вселенскіе соборы.

На вторую же половину—отвѣта ни у кого не находимъ, если не считать тѣхъ отдѣльныхъ выраженій у проф. Лебедева, въ которыхъ онъ употребляетъ слова „догматическое развитіе церкви“, безъ соотвѣтствующаго объясненія ихъ смысла и значенія.

Между тѣмъ такое или иное рѣшеніе этого вопроса, намъ думается, потому необходимо, что, при уясненіи вопроса объ отношеніи Сына Божія и Духа Святаго къ Отцу, оставался еще нерѣшеннымъ вселенскою церковью вопросъ объ отношеніи Сына Божія къ Духу Святому.

Свящ. В. Платоновъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru